

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

Филологический факультет

Кафедра русского языка как иностранного и методики его преподавания

Сун Хунцян

**РУССКИЕ УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ, ОТРИЦАТЕЛЬНО
ХАРАКТЕРИЗУЮЩИЕ ПОВЕДЕНИЕ ЧЕЛОВЕКА, НА ФОНЕ
КИТАЙСКОГО ЯЗЫКА
(ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)**

Выпускная квалификационная работа магистра филологии

Научный руководитель:
д.ф.н., проф. Зиновьева Е.И.
Рецензент:
к.ф.н., доц. Николаева Е.К.

Санкт-Петербург, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
ГЛАВА I. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ С ПОЗИЦИЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ.....	10
1.1. Основные положения лингвокультурологии как науки.....	10
1.1.1. Лингвокультурология как научная дисциплина. Направления лингвокультурологических исследований.....	10
1.1.2. Определение термина «языковая картина мира».....	13
1.1.3. Содержание терминов <i>стереотип</i> , <i>образ</i> и <i>символ</i>	17
1.2. Устойчивые сравнения в лингвистической литературе.....	21
1.2.1. Лингвистический статус устойчивых сравнений.....	21
1.2.2. Модели и компонентный состав устойчивых сравнений в русском и китайском языках.....	26
1.2.3. Анализ устойчивых сравнений в современной лингвистике.....	30
1.2.4. Национально-культурная специфика устойчивых сравнений.....	38
1.3. Методология лингвокультурологического анализа устойчивых сравнений.....	46
Выводы.....	49
ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ НА ФОНЕ КИТАЙСКИХ.....	52
2.1. Идеографические классификации русских и китайских устойчивых сравнений, отрицательно характеризующих поведение человека.....	52
2.1.1. Состав и идеографическая классификация русских устойчивых сравнений.....	52

2.1.2. Состав и тематическая классификация китайских устойчивых сравнений.....	57
2.2. Устойчивые сравнения, характеризующие неискреннее поведение.....	62
2.3. Устойчивые сравнения, характеризующие назойливое поведение.....	75
Выводы.....	84
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	89
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.....	92
СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ И ИХ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ.....	99

ВВЕДЕНИЕ

Диссертационное исследование посвящено выявлению национально-культурных особенностей устойчивых сравнений русского языка, отрицательно характеризующих поведение человека, на фоне их аналогов в китайском языке.

Сравнения, как известно, занимают особое место в языке и мышлении. Человек издавна постигал окружающий мир путём сравнения малоизвестного с хорошо знакомым. Сравнение – это не только способ номинации, но и яркое средство оценки [Мокиенко 2003: 3]. Многими исследователями подчёркивается большое значение УС для системы русского языка: «Устойчивые сравнения представляют собой сгусток культурной информации, позволяют сказать многое, экономя языковые средства и в то же время максимально глубоко, точно, ярко, национально специфично» (Крылова 2013: 58). Интересно наблюдение М.Н. Крыловой, согласно которому современная языковая личность обращается к устойчивым сравнениям в 22 % случаев использования единиц функционально-семантической категории сравнения, при этом в 10 % случаев стремится переосмыслить, перестроить УС, то есть в каждом десятом случае говорящие «оживляют, распространяют, каким-либо способом трактуют известные, постоянные образы» (Там же: 61). Устойчивые сравнения эксплицируют национально-культурную специфичность языковой картины мира. Они отражают национальное мировидение, в связи с чем правомерно рассматривать их как один из объектов исследования лингвокультурологии.

Актуальность темы работы обусловлена рядом факторов.

Во-первых, диссертационное исследование проводится в аспекте лингвокультурологии – одной из ведущих научных дисциплин современной антропоцентрической научной парадигмы, а именно в рамках одного из ведущих направлений лингвокультурологии – фразеологическом.

Во-вторых, устойчивые сравнения частотны в разговорной речи, художественной литературе любого национального языка. Например: «В

общем, он *вцепился* в меня, как *клец*, и заявил, что хочет брать уроки живописи» (Дина Рубина. Монологи (2000)); «— Вот-вот, — подтвердила Ирина, — юноша *плюется как верблюд*, едва его нетрезвый босс вваливается в подъезд после напряженного трудового дня!» (Екатерина Романова, Николай Романов. Дамы-козыри (2002)). Особенно частотную и объемную группу в каждом языке составляют устойчивые сравнения, характеризующие человека, в частности – поведение человека (например, *вести себя как дикарь, вести себя как скот, зевать как бегемот, вести себя как бедный родственник/бедная родственница; извиваться, ползть перед кем-л. как червяк* и др.).

В-третьих, устойчивые сравнения присутствуют в любом национальном языке, а их национальная специфика проявляется в различии избранных в той или иной культуре оснований сравнений, эталонов сравнения и стереотипных представлений.

И, в-четвертых, несмотря на то, что устойчивые сравнения находят отражение (с той или иной степенью полноты) во фразеологических словарях, в специальных словарях устойчивых сравнений, ориентированных на носителя языка, в двуязычных словарях устойчивых сравнений, на данный момент отсутствуют национально-ориентированные лингвокультурологические словари устойчивых сравнений.

Устойчивые сравнения исследовались в разных аспектах (эти аспекты выделены в монографии Л.А. Лебедевой 1999): в структурно-типологическом, в когнитивно-функциональном, лингвокультурологическом, этнолингвистическом, психоллингвистическом, коммуникативно-прагматическом.

Следует отметить единичные диссертационные исследования, посвященные лингвокультурологическому анализу устойчивых сравнений, характеризующих внешность человека (Алёшин 2011; Подхомутников 2002).

Научная новизна данного исследования заключается в том, что анализ русских устойчивых сравнений, характеризующих отрицательно

оцениваемое поведение человека, проводится на фоне китайского языка в лингвокультурологическом аспекте.

Гипотеза предпринимаемого диссертационного исследования заключается в том, что выявление особенностей семантики, функционирования и национально-культурной маркированности устойчивых сравнений русского языка, характеризующих отрицательно оцениваемое поведение человека, на фоне китайского языка, позволит выделить универсальное и национально-специфичное на уровне стереотипных образов и системы эталонов устойчивых сравнений, что послужит оптимизации межкультурной коммуникации.

Объектом данного исследования являются устойчивые сравнения русского и китайского языков идеографического поля «Поведение», микрополя «Поведение, нарушающее норму», а **предметом** – эталоны и основания сравнения, образность выражений в русской лингвокультуре на фоне китайской лингвокультуры.

Целью данной работы является исследование национально-культурной специфики устойчивых сравнений русского языка на фоне китайского языка.

Поставленная цель предполагает решение следующих **задач**:

- 1) описать теоретическую базу исследования;
- 2) отобрать языковые единицы для лингвокультурологического анализа;
- 3) представить рабочую идеографическую классификацию отобранных русских устойчивых сравнений на фоне их аналогов в китайском языке;
- 4) провести лингвокультурологический анализ русских единиц наиболее объемных идеографических групп относительно их китайских аналогов;
- 5) выявить сходства и различия в рассматриваемом фрагменте языковых картин мира двух языков.

Для достижения цели и решения поставленных задач используются следующие **методы и приемы исследования**: приём сплошной выборки

материала из словаря В.М. Огольцева «Словарь устойчивых сравнений русского языка» и из словаря Л.А. Лебедевой «Устойчивые сравнения русского языка. Тематический словарь»; приём сплошной выборки материала из фразеологического словаря китайского языка; приём направленной выборки иллюстративного материала с сайта «Национальный корпус русского языка» (ruscorpora.ru) и иллюстративного материала, найденного при помощи поисковых систем «Google» (google.ru, goole.it) и «Yandex»; методы лингвокультурологического анализа; анализа по тематическим группам; сопоставительного анализа; дистрибутивный метод; приемы частотно-статистической характеристики и стилистической характеристики; прием анкетирования носителей русского и китайского языков.

Материалом для исследования служат: данные словаря В.М. Огольцева «Словарь устойчивых сравнений русского языка», данные словаря В.М. Мокиенко «Словарь сравнений русского языка», данные словаря Л.А. Лебедевой «Устойчивые сравнения русского языка. Тематический словарь», иллюстративный материал с сайта «Национальный корпус русского языка», иллюстративный материал, найденный при помощи поисковых систем «Google» и «Yandex», данные толкового словаря русского языка Н.Ю. Шведовой, лингвокультурологического словаря-справочника для изучающих китайский язык, культуру, историю, литературу Китая, данные фразеологического словаря китайского языка, данные анкетирования носителей русского и китайского языков.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что результаты исследования внесут определенный вклад в разработку теоретических проблем, связанных с изучением языковой картины мира, устойчивых сравнений; послужат дальнейшему развитию теории лингвокультурологии.

Практическая значимость работы состоит в том, что результаты исследования могут быть использованы в практике преподавания русского языка как иностранного (в частности, китайским учащимся), в практике перевода, в практике учебной лексикографии, при чтении вузовских

лекционных курсов по фразеологии, лингвокультурологии, спецкурсов по языковой картине мира, при написании учебных пособий.

На защиту выносятся следующие положения:

1. С ономаσιологической точки зрения, наибольший удельный вес среди устойчивых сравнений русского языка, описывающих отрицательно оцениваемое поведение человека, имеют единицы, характеризующие вербальное и неискреннее поведение. В китайском языке особо значимыми в количественном отношении разрядами являются УС, описывающие вербальное, бесстыдное и равнодушное поведение человека.

2. Гендерная дифференциация присутствует в УС и русского, и китайского языков. Но большинство УС русского языка дают характеристику мужчине (с различных точек зрения), тогда как в китайском языке особо номинируется аморальное поведение женщины.

3. В русском языке особой частотностью среди эталонов УС, описывающих отрицательно оцениваемое поведение человека, отличаются наименования человека, находящегося не в своем уме – *безумный, сумасшедший, очумелый, скаженный* и т.п. Отличительной чертой китайских УС этого разряда являются эталоны-имена героев классических произведений китайской литературы.

4. При совпадении эталонов УС русского и китайского языков могут отличаться основания сравнения или значение сравнения, что может быть обусловлено национальным мифологическим контекстом, мотивирующим выбор эталона сравнения, или национально-культурной спецификой эталона сравнения в одной из двух лингвокультур.

5. Национально-культурная специфика русских УС обусловлена или принадлежностью эталона сравнения к национальным реалиям, или историко-культурным контекстом возникновения сравнения, или одновременно тем и другим.

Структура работы: диссертационное исследование состоит из введения, двух глав, заключения, списков использованной литературы и словарей, списка используемых сокращений и приложений. Во введении определены актуальность, новизна, гипотеза, цель, задачи, методы исследования, практическая значимость работы, объект и предмет исследования, а также положения, выносимые на защиту. Первая глава посвящена рассмотрению основных теоретических вопросов исследования: описанию понятийного аппарата лингвокультурологии, определению термина «устойчивое сравнение», вопросу о включении устойчивых сравнений в состав фразеологизмов, рассмотрению понятия «устойчивое сравнение» в рамках лингвокультурологии.

Во второй главе приведены идеографические классификации устойчивых сравнений русского и китайского языков и представлен детальный анализ единиц наиболее объемных идеографических групп устойчивых сравнений русского языка, характеризующих поведение человека, на фоне китайского языка в лингвокультурологическом аспекте.

Заключение содержит основные выводы исследования.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ С ПОЗИЦИЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИИ

1.1. Основные положения лингвокультурологии как науки

1.1.1. Лингвокультурология как научная дисциплина. Направления лингвокультурологических исследований

Лингвокультурология – это наука, возникшая на стыке лингвистики и культурологии и исследующая проявления культуры народа, которые отразились и закрепились в языке. Вместе с тем, как справедливо отмечает В.А. Маслова, не следует акцентировать внимание на «стыковом» характере новой науки, т.к. это не простое «сложение» возможностей двух контактирующих наук, а именно разработка нового научного направления, способного преодолеть ограниченность «узковедомственного» изучения фактов и тем самым обеспечить новое их видение и объяснение. Поэтому это не временный союз лингвистики и культурологии, а интердисциплинарная отрасль науки, самостоятельная по своим целям, задачам, методам и объекту исследования (Маслова, 2001: 28-29).

В настоящее время существует много дефиниций лингвокультурологии. Приведем наиболее известные из них: лингвокультурология – это «та часть этнолингвистики, которая посвящена изучению и описанию корреспонденции языка и культуры» (Телия 1996: 217); это «комплексная научная дисциплина синтезирующего типа, изучающая взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражающая этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления» (Воробьев 1997: 47); «дисциплина, изучающая проявление, отражение и фиксацию культуры в языке и дискурсе. Она непосредственно связана с

изучением национальной картины мира, языкового сознания, особенностей ментально-лингвального комплекса» (Красных 2002: 12). Отметим, что все исследователи признают лингвокультурологию новой научной дисциплиной, изучающей взаимосвязь языка и культуры. Разница их позиций состоит в отнесении лингвокультурологических разысканий только к строго синхронным или к диахроническим исследованиям, а также во включении лингвокультурологии в качестве раздела в другие дисциплины, например, этнолингвистики, или признании ее самостоятельного статуса.

В результате анализа различных точек зрения считаем целесообразным присоединиться к мнению Е.И. Зиновьевой и Е.Е. Юркова. Вслед за этими исследователями, можно признать лингвокультурологию «филологической наукой, которая исследует различные способы представления знаний о мире носителей того или иного языка через изучение языковых единиц разных уровней, речевой деятельности, речевого поведения, дискурса, что должно позволить дать такое описание этих объектов, которое во всей полноте раскрывало бы значение анализируемых единиц, его оттенки, коннотации и ассоциации, отражающие сознание носителей языка. При этом важно учитывать информацию энциклопедического характера, разработка принципов отбора которой является одной из проблем лингвокультурологии» (Зиновьева, Юрков 2009: 13). Следует согласиться с А.С. Алёшиным в том, что данное определение четко относит лингвокультурологию к филологическим наукам, предполагает *эксплицирование знаний* носителей национального языкового сознания через анализ языковых единиц *разных* уровней, что позволяет сделать объектом анализа интересующие нас устойчивые сравнения, а также обеспечивает *большую* объективность выводов, основанных на результатах анализа языкового материала (благодаря подходу от языка к культуре, а не наоборот). Кроме того, при анализе УС очень важен учет национально-культурных коннотаций и информации энциклопедического характера для характеристики слов-реалий в составе УС (Алёшин 2012: 18-19). Таким образом, в нашей диссертации будет принято

данное определение в качестве рабочего, как в наибольшей степени отвечающее цели и задачам работы.

Под основной *целью лингвокультурологии* мы, вслед за О.В. Абыякой, понимаем «описание взаимодействия языка и культуры через раскрытие содержания языковых единиц, изучение их ассоциативных и словообразовательных связей, коннотаций, отраженных в сознании носителей языка» (Абыякая 2004: 43-44). Вслед за В.И. Тхориком и Н.Ю. Фаняном, мы считаем, что *объект лингвокультурологии* достаточно многомерен и включает в себя «язык, культуру и человека, создающего культуру и пользующегося языком, человека со всеми его особенностями, предпочтениями» (Тхорик, Фанян 2005: 38). Таким образом, под *объектом лингвокультурологии*, в данной работе понимается «исследование взаимодействия языка, который есть транслятор культурной информации, культуры с её установками и предпочтениями и человека, который создаёт эту культуру, пользуясь языком» (Маслова 2004: 36), а под *предметом* – всё, что составляет языковую картину мира (Воробьёв 1999: 106).

Согласно В.А. Масловой, существуют несколько лингвокультурных школ, которые занимаются исследованиями в рамках конкретных направлений. В.А. Маслова выделяет следующие направления:

«1. Лингвокультурология отдельной социальной группы, исследующая конкретную лингвокультурную ситуацию.

2. Диахроническая лингвокультурология, изучающая изменения лингвокультурного состояния этноса за определённый период времени.

3. Сравнительная лингвокультурология, исследующая лингвокультурные проявления разных, но взаимосвязанных этносов.

4. Сопоставительная лингвокультурология, находящаяся на стадии развития.

5. Лингвокультурная лексикография, занимающаяся составлением лингвострановедческих словарей» (Маслова 2001: 28-29).

И.Г. Ольшанский предлагает несколько иной подход к выделению направлений лингвокультурологии. Наиболее значимым исследователем считает фразеологическое направление, представленное трудами В.Н. Телия и её школы. Вторым направлением, по мнению И.Г. Ольшанского, можно считать «логико-лингвистическое или концептологическое» (Ольшанский 2000: 41). Третьим направлением лингвокультурологии, которое актуально не только с теоретической, но и с практической точки зрения, является лексикографическое. Оно связано с рассмотрением вопроса отражения национально-культурного своеобразия языков в словарях различных типов. Ещё одной областью исследований лингвокультурологии, по мнению И.Г. Ольшанского, являются «лингводидактические аспекты и проблемы межкультурной коммуникации» (Ольшанский 2000: 46).

Данное диссертационное исследование выполняется в русле сопоставительного фразеологического направления лингвокультурологии и нацелено на решение проблем межкультурной коммуникации.

Остановимся подробнее на таких базовых понятиях лингвокультурологии, представляющих важность для данного исследования, как понятия «языковая картина мира», «лингвокультура», «стереотип», «образ» и «символ».

1.1.2. Определение терминов «языковая картина мира» и «лингвокультура»

Представление культуры в языке принято соотносить с идеей *картины мира*. Картина мира стала одним из центральных понятий многих гуманитарных наук – философии, культурологии, этнографии и т. д. В ней «отражаются наивные представления о внутреннем мире человека, в ней конденсируется опыт интроспекции десятков поколений» (Апресян 1995: 27). *Картина мира* – «система интуитивных представлений о реальности» (Руднев 1997: 127).

В научной литературе различают две картины мира: языковую картину

мира и концептуальную картину мира.

Исторически представление о языковой картине мира восходит к идеям Вильгельма фон Гумбольдта и неогумбольдтианцев о внутренней форме языка. Термин *языковая картина мира* (*sprachliches Weltbild*) был введен в науку Лео Вайсгербером. Картина мира, заключенная в том или ином языке, представляет собой синтез универсальных знаний о мире с идиоэтническими. Источником первых является объективная действительность, источником вторых – национальная точка зрения на нее.

Картина мира, как мозаика, составлена из концептов и связей между ними, поэтому ее иногда называют *концептуальной картиной мира* (Алёшин 2012: 35). *Концептуальная картина*, по мнению большинства исследователей, богаче языковой, поскольку в ее создании участвуют разные типы мышления, в том числе и невербальные.

Языковая картина мира (далее – ЯКМ) – это вся информация о внешнем и внутреннем мире, закрепленная средствами живых разговорных языков. Сердцевинной концептуальной картины мира является информация, данная в понятиях, главное же в языковой картине мира – это «знание, закрепленное в словах и словосочетаниях конкретных разговорных языков» (Брутян 1973: 67).

В настоящее время в научной лингвистической литературе существует множество определений ЯКМ.

В.А. Маслова трактует термин «языковая картина мира» как метафору, аргументируя это тем, что она создает для носителей языка не какую-то иную картину мира, а лишь «специфическую окраску этого мира, обусловленную национальной значимостью предметов, явлений, процессов, избирательным отношением к ним, которое порождается спецификой деятельности, образа жизни и национальной культуры данного народа» (Маслова 2001: 66). С.Г. Воркачëв также справедливо считает понятие ЯКМ условным, объясняя это тем, что «образ мира, воссоздаваемый по данным одной лишь языковой семантики, скорее карикатурен и схематичен ... и для адекватности языковой

образ мира корректируется эмпирическими знаниями о действительности, общими для пользователей определенного естественного языка» (Воркачѳв 2001: 67). В.Б. Касевич определяет ЯКМ как совокупность языковых знаний, закодированных оппозициями словаря и грамматики (Касевич 2004: 179). По мнению О.А. Корнилова, ЯКМ – «результат отражения объективного мира обыденным (языковым) сознанием того или иного языкового сообщества», «система ценностных ориентаций, закодированная в ассоциативно-образных комплексах языковых единиц и восстанавливаемая исследователем через интерпретацию ассоциативно-образных комплексов посредством обращения к обусловившим их знакам и концептам культуры» (Корнилов 2003: 30-32). В своей работе мы считаем целесообразным принять точку зрения О.А. Корнилова и согласиться с исследователем в том, что понятие ЯКМ не может «претендовать на абсолютную истинность, поскольку это не объективно существующая реальность, а умозрительное построение, используемое его создателями для решения каких-либо теоретических или практических задач» (Корнилов 2003: 4).

В качестве рабочего в своём исследовании мы будем опираться на одно из ранних определений, предложенное Е.С. Яковлевой, которая под ЯКМ понимает «зафиксированную в языке и специфическую для данного языкового коллектива схему восприятия действительности, своего рода мировидение через призму языка» (Яковлева 1996: 47). Это определение отличается лаконичностью формы и емкостью содержания. Объект нашего исследования – устойчивые сравнения русского и китайского языков – образуют значимый фрагмент языковых картин мира обеих лингвокультур, именно устойчивые сравнения национального языка «отличаются наибольшей “схематичностью”, консервативностью, что позволяет передавать культурную информацию от поколения к поколению, обеспечивает преемственность и стабильность национальных представлений» (Алѳшин 2012: 75). В связи со сказанным считаем, что

дефиниция, предложенная Е.С. Яковлевой, в наибольшей степени отвечает цели и задачам нашей работы.

Для данного исследования важным является еще один термин – «лингвокультура».

Как справедливо отмечает В.В. Красных, на пересечении культуры и языка как самостоятельных семиотических систем образуется третья система – *лингвокультура*, представляющая как культура оязыковленная, явленная в языке и через язык. В отличие от языковой картины мира, представляющей как сложно устроенное семантическое пространство, т.е. как феномен собственно лингвистический, *лингвокультура* является феноменом лингво-когнитивным: она формируется не знаками языка, за которыми стоят некоторые смыслы, но образами сознания, облеченными в языковые знаки. «Семантика» лингвокультуры – это культуруносные смыслы, овнешненные в знаках языка. Исходя из этого, можно утверждать, что в лингвокультуре язык выступает в роли означающего, а функцию означаемого выполняют культуруносные смыслы и культура как таковая (Красных 2012: 345). Таким образом, лингвокультура понимается как сложный, комплексный объект, «в котором язык выполняет функцию означающего, а в роли означаемого выступают феномены иной природы (образ мира, образы сознания, культуруносные смыслы, сама культура, ее семантика). Следовательно, внимание сосредоточивается на культурно-маркированных феноменах лингвокогнитивной природы» (Красных 2013: 125).

В нашем исследовании будут использоваться оба термина – «языковая картина мира» и «лингвокультура» с учетом отмеченной разницы в их содержании.

Рассмотрим далее термины, также представляющие важность для данного исследования и являющиеся рабочими при анализе УС в лингвокультурологическом аспекте.

1.1.3. Содержание терминов «стереотип», «образ» и «символ»

Обратимся к содержанию термина *стереотип*. Он рассматривается не только в работах лингвистов, но и социологов, этнографов, когнитологов, психологов, этнопсихолингвистов. Представители каждой из вышеназванных наук выделяют в стереотипе те его свойства, которые они замечают с позиций своей области исследования, а потому выделяются социальные, речевые, национальные, религиозные, ментальные, культурные, этнокультурные стереотипы, стереотипы общения и т.д. Социальные стереотипы проявляют себя как стереотипы мышления и поведения личности. Этнокультурные стереотипы – это обобщённое представление о типичных чертах, характеризующих какой-либо народ. Немецкая аккуратность, русский “авось”, китайские церемонии, африканский темперамент, вспыльчивость итальянцев, упрямство финнов, медлительность эстонцев, польская галантность – стереотипные представления о целом народе, которые распространяются на каждого его представителя. Нас будут интересовать именно этнокультурные стереотипы, но сначала остановимся на характеристике родового термина «стереотип».

Одним из первых понятие стереотипа использовал У. Липпман ещё в 1922 году в работе “Общественное мнение” (“Public opinion”) в США. Он использовал типографский термин “стереотип” – типографская печатная форма: рельефная копия с набора или клише – “чтобы ярче сформулировать свою мысль о том, что в обществе существует тенденция: до получения какой-либо дополнительной информации уже иметь давно сформированные, достаточно устойчивые представления по любому поводу. Журналист сравнил это явление с картинками в голове” (Иванова 2000: 11). Он считал, что это упорядоченные, схематичные, детерминированные культурой “картинки мира” в голове человека, которые экономят его усилия при восприятии сложных объектов мира. При таком понимании стереотипа выделяются две его важные черты – детерминированность культурой и

существование как средства экономии трудовых усилий и, соответственно, языковых средств (Маслова 2001: 109).

Впоследствии «эволюция понятия от “картинок в голове” через упрощенный образ предмета и предубежденное отношение привела к толкованию стереотипа как преувеличенного убеждения» (Денисенко 1999: 15).

В большинстве работ, так или иначе касающихся феномена стереотипа, последний рассматривается в контексте социального взаимодействия как некая «модель» действия, поведения, связанная с определённым (национально) детерминированным выбором той или иной тактики и стратегии поведения в некоторой ситуации, обусловленным определённым набором потребностей и мотивов (Красных 2003: 231). Ю.А. Сорокин определяет стереотип как некоторый процесс и результат общения (поведения) согласно определённым семиотическим моделям, список которых является закрытым в силу тех или иных семиотико-технических принципов, принятых в некотором социуме (Сорокин 1998). Ю.Е. Прохоров рассматривает стереотип как социокультурно маркированную единицу ментально-лингвального комплекса представителя определенной этнокультуры, которая реализуется в речевом общении в виде нормативной локальной ассоциации к стандартной для данной культуры ситуации общения (Прохоров 1996: 101). И.А. Стернин пишет о том, что описание национальных культурных стереотипов – важнейший аспект исследования коммуникативного поведения как «интегрального компонента национальной, групповой и личностной культур», как отражения менталитета, национального характера (Стернин 2003: 246).

Е.А. Иванова отмечает, что «этнические, национальные, религиозные стереотипы связаны с одной из острых проблем человечества – этническими конфликтами. Этностереотипы сплачивают сообщества людей в определенную социокультурную систему. В кризисные моменты, консолидируя «своих», этностереотипы в такой же мере дифференцируют

«чужих». Этностереотип может играть положительно-конструктивную роль в сохранении традиционных черт и особенностей национальной культуры, а также, при определенных условиях, приводить к геноциду по отношению к другим народам и этносам» (Иванова 2000: 3). Этнокультурные стереотипы формируются «в системе ценностей, образе жизни, если речь идет об этносистемах, расположенных на общей территории, имеющих общую историческую судьбу и другие характеристики этничности» (Иванова 2000: 13).

В научной литературе при определениях одного и того же понятия исследователи используют термины «этнокультурный стереотип», «этностереотип», «национально-культурный стереотип». Мы рассматриваем данные термины как синонимы и в качестве рабочего выбираем «этнокультурный стереотип». В нём совмещены понятия «этнический» – т.е. наиболее древний слой национальной культуры и «культурный», более молодой слой, богатство которого воплощается в развитии общества.

Стереотипы всегда национальны, а если встречаются аналоги в других культурах, то это *квазистереотипы*, ибо, совпадая в целом, они различаются нюансами, деталями, имеющими принципиальное значение (Уфимцева 1996). Люди воспринимают этнокультурные стереотипы как образцы, которым надо соответствовать, чтобы «люди не смеялись». Поэтому стереотипы оказывают довольно сильное влияние на людей.

Стереотипы имеют много общего с традициями, мифами, ритуалами. Разница заключается в том, что традиции и обычаи характеризует их объективированная значимость, открытость для других, а стереотипы остаются на уровне скрытых умонастроений, которые существуют в среде «своих» (Маслова 2001: 110-111).

Для фиксации стереотипа наиболее доступны система поведенческих правил (нормы традиционного этикета) и структура ценностных ориентаций (психологические аспекты этнических установок) (Иванова 2000: 13). Объектом исследования в нашей работе являются те и другие, т.к. УС,

описывающие поведение, ориентируются и на нормы традиционного этикета, и на ценностную ориентацию лингвокультуры.

Итак, в нашем понимании, *стереотип* – это некоторый фрагмент концептуальной картины мира, ментальная «картинка», устойчивое культурно-национальное представление (по Ю.Е. Прохорову, «суперустойчивое» и «суперфиксированное») о предмете или ситуации. Он являет собой некоторое культурно-детерминированное представление о предмете, явлении, ситуации. Это не только ментальный образ, но и его вербальная оболочка.

В.В. Красных выделяет *стереотипы представления* и включает их в группу прецедентных феноменов. Группу стереотипов представления исследователь делит на две подгруппы: *стереотипы-образы* (*пчела-труженица*) и *стереотипы-ситуации* (*аист – капуста*), которые в известной мере связаны или сопоставимы соответственно с прецедентными именами или прецедентными ситуациями (Красных 2002: 187-188).

В нашем исследовании в целях лингвокультурологической интерпретации УС будут рассматриваться стереотипы представления, в частности *стереотипы-образы*, которые, опираясь на концепцию В.В. Красных (2002), мы понимаем как социо-культурно маркированную единицу ментально-лингвального комплекса, формируемую инвариантной совокупностью валентных связей, репрезентирующих образ, представление феномена, стоящего за данной единицей, во всей предсказуемости его ассоциативных связей.

Термин «*образ*», вслед за В.А. Масловой, мы рассматриваем как важнейшую языковую сущность, содержащую информацию о связи слова с культурой, способную создавать наглядно-чувственные представления о предметах и явлениях действительности (Маслова 2004: 44). На базе образа рождается *символ*. О природе и значении символа в советском и российском языкознании существует обширная литература (Лосев А.Ф. 1982; Лотман Ю.М. 1992, 2000; Арутюнова Н.Д. 1988; Энциклопедия символов,

знаков, эмблем, 2000 и др.). Вслед за В.Н. Телия и В.А. Масловой, символ в нашем диссертационном исследовании понимается как стереотипизированное явление культуры, знак, в котором первичное содержание выступает формой для вторичного (Маслова 2004: 95-108). По мнению Ю.М. Лотмана (1992), символы образуют ядро культуры каждого народа, они в большой степени национально-специфичны.

Стереотип-образ выступает также «как *эталон*, как некий фрагмент (концептуальной) картины мира, существующей в сознании, некоторый образ-представление» (Русское культурное пространство 2004: 19). Вслед за В.Н. Телия, мы считаем, что *эталон* – «это характерологическая образная подмена свойств человека или предмета какой-либо реалией, персоной, культурным объектом, вещью, которая становится знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства» (Телия 1996: 241-242).

Стереотипные образы и связанные с ними эталоны и символы, вербализованные в УС, отражают материальную и духовную культуру народа, общее и национально-специфичное в той или иной лингвокультуре. Обратимся к рассмотрению УС в лингвистической литературе в целом и в аспекте лингвокультурологии в частности.

1.2. Устойчивые сравнения в лингвистической литературе

1.2.1. Лингвистический статус устойчивых сравнений

Чтобы характеризовать языковую единицу, необходимо дать ей точное определение. Одно из первых определений УС предложила Л.А. Лебедева: УС – это «особое языковое явление, особая языковая единица, наделенная сравнительным значением и особой формой его выражения, соотносимой с логической формулой сравнения А – С – В» (Лебедева 1999: 10). В приведенной исследователем формуле А – это субъект сравнения, С – основание сравнения, а В – это объект сравнения. УС трактуются сегодня как

«устойчивые, воспроизводимые, частично или целостно переосмысленные экспрессивные единицы языка, обладающие формальными признаками компаративности в виде сравнительных союзов или представленные другими сравнительными конструкциями» (Воробьёва 2002: 4). О.В. Подчаха предлагает следующую дефиницию: «Устойчивые сравнения – это воспроизводимые языковые единицы, характеризующиеся логической структурой сравнения, компонентным составом, выражающим компаративные отношения, образностью и особым суперсегментным значением» (Подчаха 2012: 331). Суперсегментное значение УС подчеркивает и В.М. Огольцев: «Суперсегментное компаративное значение характеризует единицу в целом (а не ее отдельные компоненты) и, по существу, лежит в основе устойчивости компаративной структуры» (Огольцев 1978: 59).

Для обозначения УС используется также термин «компаративный фразеологизм», однако он менее распространён в российском языкознании, и мы будем пользоваться в качестве рабочего термином «устойчивое сравнение».

Как видим из приведённых выше определений, для дефиниции понятия «устойчивое сравнение» авторам было очень важно выделить основные черты данного типа лингвистических единиц. УС «характеризуются воспроизводимостью и являются не проявлением речи, а проявлением языка» (Огольцев 2001: 5). Среди признаков устойчивого сравнения А.Р. Давлетбердина отмечает «устойчивость формы и содержания, чёткую определенность грамматического строя, постоянство компонентного состава, прагматическую направленность» (Давлетбердина 2009: 1356).

Л.Б. Воробьёва замечает, что языковой статус УС нельзя назвать точно определённым (Воробьёва 2002: 3).

В.Н. Телия называет устойчивые сравнения традиционными, т.е. воспроизводимыми из поколения в поколение, или эталонными. По В.Н. Телия, устойчивые сравнения – это система образов-эталонов.

“Эталонизированные представления” в устойчивых сравнениях «как бы «задают» образцы здоровья, красоты, глупости и т.д.» (Телия 1996:241-242).

В данной работе мы рассматриваем устойчивое сравнение, прежде всего, как устойчивое сочетание, представляющее собой образное средство языка (фигуру речи), которое «обычно является результатом многовекового употребления» (Лебедева 2003:4-5), один из способов оценки и осмысления окружающей нас действительности, основанный «на сопоставлении двух предметов или явлений для более точного, образного описания одного из них» (Русова 2004:229). УС выражает оценку, обладает экспрессивностью, основано на ассоциациях и образном видении окружающей действительности.

Функции устойчивых сравнений, их назначение в тексте могут быть различными. В.А. Марьянчик называет среди них «эстетическую, компрессивную, аргументативную, социальную, когнитивную, аксиологическую» (Марьянчик 2009: 100). Превалирование оценочной функции над всеми остальными для устойчивых сравнений отмечают многие исследователи: «Устойчивые сравнения в отличие от других единиц языка наиболее ярко демонстрируют ценностные приоритеты человека. На их примере особенно чётко проявляется оценочная деятельность сознания» (Бойко 2008б: 76-77).

Но, несмотря на то, что УС являются устойчивыми словосочетаниями, не все исследователи рассматривают их в качестве фразеологизмов. Это связано с продолжающейся дискуссией относительно объема фразеологии. Взгляды лингвистов иногда чрезвычайно различны, даже противоречивы. Существует “узкое” (А.И. Молотков, В.П. Жуков, Н.Н. Амосова, И.И. Чернышева, И.С. Торопцев) и “широкое” (В.В. Виноградов, Н.М. Шанский, В.Л. Архангельский, М.М. Копыленко и др.) понимание фразеологии. В “широком” смысле слова фразеология включает в свой состав и словосочетания, переосмысленные полностью, и словосочетания, в которых

есть не переосмысленные слова-компоненты, а в “узком” смысле слова – словосочетания, переосмысленные до конца.

Мы придерживаемся широкого понимания фразеологии и включаем УС в состав фразеологизмов.

Выводы ведущих фразеологов подтверждают нашу точку зрения. В.М. Огольцев, составитель словаря устойчивых сравнений русского языка, пишет, что устойчивые сравнения «образуют особый, компаративный, пласт русской фразеологии» (Огольцев 2001:5). В.М. Мокиенко также признает УС фразеологизмами: «Устойчивые сравнительные обороты составляют внушительную часть фразеологического фонда русского языка» (Мокиенко 1980:131). В.В. Виноградов выделял УС как «особый тип фразеологических конструкций, в которых внутренняя условность фразы определяется традиционной национальной характеристичностью образа, его испытанной меткостью, бытовым реализмом и экспрессивной внушительностью» (цит. по Маслова 2001:146). Н.М. Шанский также относит УС к фразеологизмам. В учебном пособии “Фразеология современного русского языка”, в главе, посвященной рассмотрению структуры фразеологических оборотов, данный исследователь, наряду с другими фразеологическими оборотами, рассматривает УС (Шанский 1985:83-84).

В зависимости от традиционности / нетрадиционности образной основы среди сравнений-уподоблений различают сравнения свободные (индивидуально-авторские) и устойчивые (традиционные, стереотипные, эталонные). Первые из них хотя и строятся по общеязыковым моделям компарации, однако представляют их речевые реализации, варьируя лексический состав компонентов, которые свободно (в рамках языковой нормы) сочетаются между собой. Устойчивые сравнения отмечены постоянством лексического состава, обеспечивающим постоянство образной его основы, отличаются относительной простотой и однотипностью грамматического строения, обнаруживают лексически несвободные связи

компонентов (Огольцев 2001; Лебедева 1999). Объектом нашего исследования являются именно устойчивые сравнения.

Однако следует отметить, что граница между устойчивыми и индивидуально-авторскими сравнениями весьма “размыта”. По происхождению УС, несомненно, восходят к авторским, от постоянного активного использования ставшим узуальными и утратившим большую часть своей образности.

В.М. Огольцев пишет, что индивидуально-авторские сравнения в первую очередь отождествляются со сравнениями, используемыми писателями в художественных произведениях как способ художественной изобразительности. Но к индивидуально-авторским относятся и те образные сопоставления, которые непрерывно порождаются повседневно в спонтанной речи; они «несут на себе печать индивидуального творчества»; эти сравнения утрачиваются в общем потоке речи, но именно эти сопоставления являются основой для формирования устойчивых, общенародных, сравнений, «которые в отличие от свободных, характеризуются воспроизводимостью и являются не проявлениями речи, а единицами языка как системы» (Огольцев 2001:5).

Большинство учёных, анализирующих УС, считают, что они «являют собой пример открытой, динамической системы языковых единиц, постоянное развитие которой следует рассматривать как действительность её бытия» (Лебедева 1999: 4); «фонд устойчивых компаративных единиц активно пополняется» (Марьянчик 2009: 99); «в современном языке постоянно появляются и закрепляются новые устойчивые сравнения, которые даже не сразу успевают фиксировать словари» (Крылова 2013: 60); «появились новые образы-эталон» (Хади Али Хуссейн Хади 2011: 12). Среди новых устойчивых сравнений В.А. Марьянчик называет обороты *как казаки-разбойники, как больной в реанимации, как в театре, как цветная революция, как бальзам, как прогноз погоды, как птичий грипп* и др. (Марьянчик 2009: 99); М.Н. Крылова – конструкции *быстрый как электровеник, развели как лоха* и под. (Крылова 2013: 60); Хади Али Хуссейн

Хади – сравнения *бегают как марафонец; бродит как тень отца Гамлета; бьёт как каратист; врёт как Троцкий; живёт как олигарх; жмурится как японец или китаец; кричит как Витас; поёт как Басков; работает как папа Карло; шагает как строитель социализма* и др. (Хади Али Хуссейн Хади 2011: 12). И.В. Кузнецова исследует динамику УС с библейской символикой и говорит о появлении в течение XX века в языке таких новых устойчивых сравнений, как *голый как Адам, как явление Христа народу* и др. (Кузнецова 2010).

М.Н. Крылова также отмечает, что «среди устойчивых сравнений формируется группа, основанная на апелляции к прецедентным текстам. Например, сравнение *работать (пахать) как папа Карло* (Крылова 2013: 60). См. также примеры с прецедентными именами, приведенные выше.

В связи с задачами нашего исследования представляется необходимой структурная характеристика УС. Обратимся к рассмотрению моделей и компонентного состава УС.

1.2.2. Модели и компонентный состав устойчивых сравнений в русском и китайском языках

Выделение УС в особый разряд фразеологизмов – компаративную фразеологию – базируется на их структурно-семантической однородности, в основе которой лежит общая – логическая – модель компарации. Именно эта модель обуславливает существование УС как языковой универсалии, обнаруживаемой в языках разных типов. Модель в лингвистике – это «отвлечённая схема, образец, по которому строятся (образуются) те или иные языковые единицы. Модель должна отражать внутреннюю сущность языкового явления» (Ван Ливэнь 2014б: 192).

В русском языке оформление сравнения-уподобления, как пишет Л.А. Лебедева (1999), происходит с помощью словообразовательных, лексических, морфологических, синтаксических средств и закрепляется в

языковом сознании говорящих в виде определенных моделей компарации. Исследователь выделяет следующие конструкции:

а) с творительным сравнения: *стоять столбом, извиваться ужом, губы сердечком, свернуться калачиком;*

б) с формами сравнительной степени прилагательных при существительных в родительном падеже: *лицо мрачнее тучи, платок белее снега, задача проще пареной репы, он злее собаки;*

в) со сложными прилагательными, содержащими элементы – *подобный* и –*образный*: *громopodobный голос, дугообразные брови;*

г) с лексическими элементами *похож, походить* на кого-что-л., *подобный* кому-, чему-л. и др.: *она похожа на мокрую курицу, он походит на флюгер;*

д) с наречиями, образованными от притяжательных прилагательных при помощи форманта *по-*: *с волками жить – по-волчьи выть, он по-лисы хитер, по-змеиному мудр;*

е) со сравнительными оборотами, вводимыми союзом *как* и его синонимами: *он хитер как лиса, дома растут как грибы после дождя; воздух чист и свеж, как поцелуй ребенка;*

ж) с придаточными сравнительными предложениями: *лихорадка была и швыряла его, как вода швыряла гнилые пни.*

Как видно из приведенной классификации, один и тот же компаративный образ может иметь разные языковые реализации.

В своем исследовании мы будем рассматривать только сравнительные обороты русского языка с союзом *как*.

Вопрос о компонентном составе УС по-разному решается разными учёными. В литературе, посвященной компаративной фразеологии, определились две основные точки зрения на компонентный состав УС в зависимости от того, какие элементы логической формулы сравнения включаются в устойчивое сравнение (*С – как В* или только *как В*).

По мнению В.М. Огольцева, «поскольку слово, выражающее логический элемент А, как правило, не входит в языковую структуру устойчивого сравнения, а элемент В составляет в ней непрменный компонент, устойчивая компаративная структура оказывается *одноэлементной* или *двухэлементной* в зависимости от того, входит или не входит в нее в качестве особого компонента элемент С», причем «одноэлементные компаративные структуры составляют абсолютное большинство устойчивых сравнений». Необязательность основания (признака) С объясняется тем, что «этот признак оказывается выделенным уже в коллективном сознании говорящих и для его проявления достаточно указания на сам факт сравнения при элементе В». Этот тезис В.М. Огольцев аргументирует примерами: «Ср.: *как снег* — белый, *как змея* — коварный, *как дуб* — крепкий, *как бревно* — лежит, *как столб* — стоит, *как коза* — прыгает, скачет. Все подобные устойчивые сравнения оказываются одноэлементными, независимо от того, выражено или не выражено в контексте речи основание сравнения» (Огольцев 1978, 80-81). Таким образом, факт присутствия основания сравнения для В.М.Огольцева несущественен, поскольку оно не формируется в контексте речи, а изначально определено языковой традицией.

Действительно, не подлежит сомнению, что основание сравнения — наиболее стабильная (наименее подверженная структурным и лексическим видоизменениям) часть УС. Однако устойчивость сравнительного оборота обнаруживается лишь на фоне остальных обязательных элементов сравнительной формулы. При употреблении в необычном контексте УС не лишается смысла, но разрушаются устойчивые ассоциации и УС переходит в разряд неустойчивых.

Вопрос о компонентном составе УС решается нами следующим образом: инвариантная модель УС включает в себя все три компонента логической формулы сравнения *А — С — как В*, что касается ее конкретных реализаций, то здесь возможны следующие варианты:

а) устойчивы (постоянны, традиционно воспроизводимы) все три компонента УС: (*дождь льет как из ведра*);

б) при постоянном компоненте А и стабильном основании УС опускается (может быть факультативным) компонент С (*дела как сажка бела, дом как проходной двор, усы как у моржа*);

в) при переменном компоненте А остальные два устойчивы: ((человек) *спит как убитый*).

Большинство УС в русском и китайском языках соотносится с канонической – трехкомпонентной логической формулой сравнения: **субъект сравнения – основание сравнения – объектная часть**, вводимая одним из сравнительных союзов. Эта инвариантная модель УС в речевых реализациях может модифицироваться (экспликация основания сравнения, парцелляция УС).

В китайском языке, как и в русском, устойчивые сравнения состоят из двух частей (левая часть, исходная, субъект сравнения, то, что подвергается сравнению, и правая – эталон, объект, образ сравнения), соединенных сравнительным союзом. В китайском языке в устойчивых сравнениях используются следующие сравнительные союзы: *ru* (*как, словно, как будто, подобно*), *si* (*как будто, как, словно, похоже*), *tong* (*как, одинаково*), *hao xiang* (*как, как будто*).

Ч. Ли отмечает: «Исходная часть представляет собой не только слово, но и словосочетание или предложение, выражающие основание сравнения, например: *dan xiao ru shu* (букв. *трусливый как мышь*); *xin ru zhi shui* (букв. *спокойное сердце как стоячая вода*) – скромный в каких-либо желаниях; *hao xiang lao shu tiao zai cheng pai shang – zi cheng zi zai (zan)* (букв. *как мышь запрыгнула на чашу весов – сама себя взвешивает*) – самому себя расхваливать; в данном фразеологизме слова *zai* (нагружать, наполнять) и *zan* (хвалить, одобрять) звучат в потоке речи почти одинаково; *shi xian ru yi* (букв. *смотреть на опасность как на ровное место*) – не бояться трудностей» (Ли 2014: 90).

Более подробно анализирует компаративные функции союзов и частиц, выявляет специфические модели УС, характерные только для китайского языка, Ван Ливэнь (Ван Ливэнь 2014а).

УС могут быть многозначными, имея два и более значения. Данное явление рассматривает О.В. Подчаха и, опираясь на традиционно выделяемые компоненты сравнения (А – тема сравнения, В – образ сравнения, С – основание сравнения), отмечает: «Варьирование элемента В приводит к синонимии, варьирование элемента С – к полисемии» (Подчаха 2012: 332). К примеру, сравнение *как дуб* может обозначать ‘крепкий, сильный здоровый’ и ‘тупой’, УС *как волк* – ‘злой’ и ‘одинокий’ и под. При этом в отличие от различных лексических значений слов, значения УС не делятся на прямые и переносные, все они являются образными, переносными (Подчаха 2012: 335).

Полисемантическими могут быть УС не только в русском языке, но и в других, например, в китайском: *lan de xiang zhu, ben de xiang zhu* (букв. *как свинья – ленивый, глупый*); *xiang guou yi yang zhong cheng, xiang gou yi yang xiong e* (букв. *как собака – честный, злой*) (Ли: 2014: 91).

Сравнения, в том числе устойчивые, постоянно становятся объектом исследования лингвистов, по-разному оценивающих и рассматривающих их особенности, структуру и функции. Проведём дальше краткий обзор исследования УС в современном языкознании.

1.2.3. Анализ устойчивых сравнений в современной лингвистике

Значительное внимание к тем компонентам фразеологической системы русского языка, которые характеризуются компаративной семантикой, проявилось в российском языкознании в 60-е годы XX в. В.В. Виноградов одним из первых обратил внимание на особый тип «фразеологических конструкций с союзами-частицами *как, точно, словно*», в которых «внутренняя условность фразы определяется традиционной национальной

характеристичностью образа, его испытанной меткостью, бытовым реализмом и экспрессивной внушительностью» (Виноградов 1972: 15).

Устойчивые сравнения рассматриваются современными лингвистами с различных точек зрения.

Большинство исследователей привлекает анализ семантической наполненности устойчивых сравнений. Л.Г. Бойко анализирует представленность в устойчивых сравнениях в качестве образов объектов из мира природы: флористических (Бойко 2008б) и зоологических (Бойко 2008а). Автор отмечает, что и с растениями, и с животными чаще всего сопоставляется в устойчивых сравнениях человек: «Лексика мира флоры представлена в устойчивых сравнениях названиями цветов, деревьев, фруктов, овощей, характеризующих через сопоставление те или иные качества, свойства, признаки, состояния и действия людей» (Бойко 2008б: 75). Имеются в виду такие сравнения, как *красный как мак, зелёный как трава, голодный как собака, играть как кошка с мышкой* и под.

Внимание лингвиста может быть направлено на ограниченную по составу группу УС, например, Л.И. Ильясова рассматривает не просто УС колоративной семантики, но, весьма узко, – сравнения с компонентом *чёрный/black* в русском и английском языках. Автору удаётся выявить «неоднородность компаративной и колоративной семантики в выбранной группе единиц в сопоставляемых языках» (Ильясова 2009: 240).

Многие лингвисты (Л.Г. Бойко, В.А. Марьянчик, А.А. Рыженкова и др.) обращают внимание на аксиологический потенциал, аксиологическую функцию УС, их исключительные возможности в выражении экспрессивности, оценки и создании оценочности. По мнению В.А. Марьянчик, авторские, образные сравнения изначально являются оценочными, создаются с целью оценивания чего- или кого-либо. Устойчивые сравнения, принадлежащие системе языка, а не речи, частично или полностью утрачивают свои оценочные функции, однако в тексте, в частности, в медиа-политическом тексте оценочность вновь актуализируется

(Марьянчик 2009). А.А. Рыженкова, отмечая наличие оценочности у большинства УС, концентрируется на трудностях перевода, связанных с данной особенностью устойчивых компаративов: «Трудность, сопряженная с передачей оценки, состоит в том, что в различных сообществах понятия положительного и отрицательного понимаются неодинаково. Безусловно, существуют универсальные понятия добра и зла, но одновременно с общим, одинаковым для всех людей восприятием плохого и хорошего выделяются сферы, по-разному трактующие предметы, явления, свойства» (Рыженкова 2009: 72). Для переводчика, нацеленного на сохранение во фразе и тексте культурно-национальной специфики, важным становится вопрос об адекватности передачи образа, сохранении его лексической составляющей, и А.А. Рыженкова предлагает следующее решение: «Если сравнение используется исключительно с экспрессивной целью, для усиления высказывания, и не представляет собой исторической или культурологической важности, то его можно переводить сравнением, обладающим более или менее сходным экспрессивным потенциалом (*доволен как слон*) или даже сравнением, образованным по случаю (оказиональным). Если для данного текста первостепенным является культурологическая направленность, то образ следует сохранить» (Рыженкова 2009: 75).

С категорией оценки граничит национально-специфичная категория ценности. УС транслируют через поколения представления людей о важнейших жизненных ценностях, причём «в устойчивых сравнениях реализуются практически все виды ценностей, представленные в обществе. Одни из них носят универсальный характер, оказываются общезначимыми для всех людей; другие характерны только для русского народа» (Бойко 2014: 83).

Анализу устойчивых сравнений посвящён целый ряд диссертационных исследований, причём объектами исследования становятся устойчивые сравнения различных языков, как правило, в сопоставлении, даже если в теме диссертации заявлен только один язык.

Одним из первых в отечественной лингвистике начал детально исследовать УС русского языка В.М. Огольцев. В 1974 году им была защищена докторская диссертация, посвящённая устойчивым компаративным структурам в системе современного русского языка. Л.А. Лебедева в докторской диссертации (1999) анализировала устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии. Она обращает внимание на роль сравнения в трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры: «В УС находит отражение диалектика взаимоотношений языка с миром и сознанием человека» (Лебедева 1999: 3).

В.М. Огольцев и Л.А. Лебедева (как и В.М. Мокиенко и Т.Г. Никитина), кроме того, являются составителями наиболее авторитетных на сегодняшний момент словарей устойчивых сравнений русского языка.

УС исследовались в разных аспектах, поскольку в них, как и в других традиционно воспроизводимых единицах языка, не только концептуализированы «знания о собственно человеческой, наивной картине мира и все типы отношений субъекта к ее фрагментам, но и как бы запрограммировано участие этих языковых сущностей вместе с их употреблением в межпоколенной трансляции эталонов и стереотипов национальной культуры» (Телия 1996: 9); в УС находит отражение диалектика взаимоотношений языка с миром и сознанием человека.

Большое количество исследований посвящено сопоставительному анализу УС разных языков.

И.В. Кузнецова (1995) подвергает анализу УС русского языка в сопоставлении с украинскими и сербохорватскими, обращая особое внимание на сравнения с мифологическим образным компонентом. Автор отмечает: «В целом можно говорить о большом сходстве компаративных подсистем сопоставляемых языков, вытекающем из их близости; различия преобладают в случаях, когда УС экспрессивны, связаны с национальными реалиями или являются жаргонными» (Кузнецова 1995: 15).

Л.Б. Воробьева (2002) рассматривает русские устойчивые сравнения в сопоставлении с литовскими, уделяя значительное внимание УС, характеризующим человека, его умственные способности, физические качества и особенности речевого поведения. По наблюдениям автора, самой богатой и разнообразной группой образных компонентов и в русском, и в литовском языках является лексика тематической группы «животный мир» (Воробьева 2002: 13).

А.С. Алёшин (2011) рассматривает устойчивые сравнения шведского языка, характеризующие человека. Автор стремится выявить национально-культурные особенности шведских устойчивых сравнений в сопоставлении с русскими и в итоге отмечает: «С ономаσιологической точки зрения наибольший удельный вес среди устойчивых сравнений шведского языка, характеризующих человека, имеют единицы, характеризующие внешность, поведение и эмоциональные состояния человека. С семасиологической точки зрения (способности лексических единиц выступать в роли эталона сравнения), превалируют такие тематические группы, как зоонимы, фитонимы, названия лиц, наименования хозяйственно-бытовых реалий, природных реалий и мифологемы» (Алёшин 2011: 6).

Рассматривая историю изучения УС в лингвистике, нельзя не остановиться на публикациях, касающихся значительной по количеству единиц группы УС, **характеризующих человека**, его внешний вид и поведение. УС, характеризующие человека, интересуют многих исследователей на протяжении всего времени изучения УС. Уделяют внимание их рассмотрению А.С. Алёшин, З.Ю. Гуламова, Н.И. Кобызева, Ван Ливэнь, В.В. Малькова, И.О. Окунева, В.Г. Подхомутников, Юй Фэнин и др.

А.С. Алёшин отмечает, что данная группа сравнений значительна в каждом языке: «Особенно частотную и объемную группу в каждом языке составляют устойчивые сравнения, характеризующие человека» (Алёшин 2011: 3). М.В. Никитина утверждает, что внимание языковой личности к проблеме характеристики человека проявляется посредством значительного

количества УС, характеризующих человека: «В поэзии, да и в народной речи, сравнения нередко становятся своего рода образным “паспортом”, яркой характеристикой того или иного человека» (Никитина 2010: 204), что свидетельствует об антропоцентричности языка.

Многие авторы – В.В. Малькова, Ван Ливэнь И.О. Окунева, В.Г. Подхомутников и др. – акцентируют внимание на УС, характеризующих внешность человека. В.В. Малькова рассматривает УС, относящиеся к тематическому полю «внешность человека», на материале русского и немецкого языков. Автор указывает, что «в русском языке гораздо шире представлены УС, отражающие мельчайшие наблюдения за состоянием человеческих волос, кожи и цвета лица и описывающие мельчайшие внешние характеристики (*седой как лунь, сморщенный как сморчок, обросший как леший, кудрявый как барашек, смуглый как цыган*)» (Малькова 2013: 40), кроме того, в русском языке больше сравнений, характеризующих красоту человека: *красивый как картинка, прекрасная как майский день* и под. Ван Ливэнь обращается к описанию структурных типов УС с семантикой внешности человека, отмечая, что структура УС нередко определяется его семантикой. Автор подразделяет сравнения на одноэлементные (*как акробат, как буйвол*) и двухэлементные (*борода лопатой*) (Ван Ливэнь 2014б).

И.О. Окунева, анализирувшая УС со значением красоты на материале русского и английского языков, отмечает сходство и отличие в понимании представителями разных национальных лингвокультур понятия красоты. К примеру, в английском языке отсутствует разделение эталона женской красоты на два типа. Для русского языка женская красота двояка: «С одной стороны, это утонченная, элегантная, грациозная дама, с другой – дородная, статная, с румянцем, как признаком здоровья, и крепким телосложением женщина» (Окунева 2008: 108). По мнению автора, только «первый эталон красоты обнаруживает сходство с английским». Рассмотрев эталоны красоты в русском и английском языках с различных точек зрения, И.О. Окунева делает вывод: «Основным отличием английского эталона красоты от русского

является его социальная направленность, т. е. привлекательный внешний вид является необходимым атрибутом, определяющим статус человека в обществе» (Там же: 108), отражающий отличия в менталитете русскоговорящих и англоговорящих: изначальное отсутствие в русском менталитете направленности на социальную успешность, отсутствие понимания такой успешности как главной составляющей движения человека по жизни, главного критерия достижений личности.

На материале русского и английского языков ведёт сопоставление и В.Г. Подхомутников, который отмечает явное структурное сходство УС в данных языках: «В русском и английском языках УС в структурном отношении соотносятся с канонической трехкомпонентной, т. е. логической формулой сравнения: субъект сравнения – основание сравнения – объектная часть, вводимая одним из сравнительных союзов» (Подхомутников 2002: 6). В то же время, русские УС, характеризующие внешность человека, намного разнообразнее семантически, в то время как английские УС не опираются при ассоциации и выборе образа на такие «тематические группы, как: 1) Объект природного происхождения; 2) Национальность; 3) Социальный статус; 4) Человек; 5) Праздник; 6) Классическая мифология; 7) Фольклор. УС перечисленных групп следует рассматривать как национально-специфичные для русского языка» (Подхомутников 2002: 17).

Среди публикаций, посвящённых УС, характеризующим человека, появились узконаправленные, нацеленные на описание реализации в семантической сфере УС какого-то одного параметра характеристики человека.

З.Ю. Гуламова обращает внимание на УС с указанием социального статуса человека в качестве объекта (образа) сравнения в конструкциях типа *как арестант, как барин (барыня), как барышня, как кисейная барышня, как босяк, как бродяга* и др. (Гуламова 2011: 170). Автор утверждает, что для носителя русского языка социальный статус имеет большое значение, и поэтому «в системе устойчивых сравнений русского языка в качестве объекта

сравнения находят отражение обозначения почти всех более или менее значительных социальных положений» (Гуламова 2011: 173).

Характеристика умственных способностей человека становится предметом исследования Н.И. Кобызевой, рассматривающей УС в русских донских говорах. Интересно наблюдение автора, согласно которому умный человек практически не становится предметом сопоставления в УС, таких оборотов – единицы (*как у Адама голова – ‘очень сообразительный, умный’*), подавляющее большинство УС характеризуют человека глупого, несообразительного (*как пень, как полено, как чучкарь, как чучмек, голова как капуста (у кого-либо), как обух, как шабалок, как сибирский валенок* и под. (Кобызева 2011: 81).

Юй Фэнин анализирует УС с компонентом «глаза», оперируя языковым материалом русского и китайского языков. Глаза являются важным элементом внешности человека, они обращают на себя внимание при знакомстве, общении, разговоре, поэтому характеристике глаз посвящено немало сравнений как в русском языке (*глаза как васильки, как у газели, как у цыгана*), так и в китайском (*как у лягушки, как у орла, как жемчуг*) (Юй Фэнин 2013: 121).

Для нашего исследования особенно важно рассмотреть изучение лингвистами УС с отрицательной характеристикой человека. Данного вопроса касается З.Ю. Гуламова, отмечающая, что среди сравнений с социальным объектом в качестве образа наблюдаются отрицательные: *как арестант, как ломовой извозчик, как паяц, как каторжник* и др. (Гуламова 2011: 170). Автор отмечает, что коннотация может быть как явной, связанной с самим объектом (примеры выше), так и аксиологической, зависящей от оценки этого объекта коллективной языковой личностью, что характерно, например, для УС *как институтка*, так как «в сознании носителей языка образ институтки характеризовался некоторыми особенностями, предполагавшими ироническое, насмешливое или полупрезрительное отношение» (Там же).

Исследований УС, посвященных сравнению единиц, описывающих отрицательно характеризующее поведение человека в русском и китайском языках, нам не встретилось.

Как видим, значительная часть исследований УС затрагивает проблему их национальной специфичности. Рассмотрим данный вопрос более подробно далее.

1.2.4. Национально-культурная специфика устойчивых сравнений

Национально-культурная специфика устойчивых сравнений обнаруживается как в плане выражения, так и в плане содержания. В плане выражения – в наличии в их составе особых культурных примет - маркеров (безэквивалентной предметной лексики, этнонимов, топонимов, архаизмов и т.д.), требующих этимологического или историко-культурного комментария при их переводе на другой язык. В плане содержания – в денотативной соотнесенности образа сравнения и сопутствующих ему коннотациях, которые и отражают «национальный колорит» сравнения.

Среди устойчивых сравнений, как отмечает Л.А. Лебедева, количество единиц с явной «культурной маркировкой» довольно незначительно, хотя они представляют собой наиболее самобытную часть в системе устойчивых сравнений. В качестве эталонов таких сравнений часто используются имена собственные – названия населенных пунктов, имена исторических личностей, мифологических героев или героев литературных произведений, сказочных персонажей и т.п. (Лебедева 1999: 66).

В.Н. Телия утверждает, что УС являются одним из важнейших источников понимания культурно-национальной специфики того или иного народа, так как в УС отражается «характерная для данной лингвокультурной общности система образов-эталонов, запечатленных в ходячих устойчивых сравнениях типа *глуп как баран, стройная как березка* и т. п.» (Телия 1996: 241). Образы-эталоны и особенности их использования всегда имеют непосредственное отношение к условиям жизни представителей конкретной

нации, их истории, традициям, менталитету и под. С помощью образов-эталонов оценивается действительность и проявляется отношение народа к окружающим его реалиям, к качествам людей, к миру вещей, к природе и т. д.

Исследования национально-культурной специфики эталонов сравнения в родственных и неродственных языках на настоящий момент не очень многочисленны.

Так, диссертационное исследование Т.В. Шмелевой (1988-а) представляет собой опыт систематического описания компонента устойчивого адъективного сравнения, называющего эталон сравнения. Материалом для анализа послужили 285 опорных существительных в составе 494 УС английского языка.

Отобранный корпус английских УС был подвергнут классификации в зависимости от вида признака, положенного в основу сопоставления. Было выделено 7 семантических классов:

1. Сравнения, обозначающие физические характеристики человека: *as deaf as a post, as tall as a maypole.*
2. Сравнения, отражающие физические характеристики предметов: *as round as a ball, as soft as a silk.*
3. Сравнения, отражающие черты характера людей и их умственные способности: *as obstinate as a mule, as bold as brass.*
4. Сравнения, характеризующие состояние духа, настроение людей: *as cross as a bear, as cool as a cucumber.*
5. Сравнения, обозначающие цвета, оттенки, интенсивность цвета: *as red as fire, as white as death.*
6. Сравнения, отражающие вкусовые характеристики веществ: *as sweet as honey, as sour as a lemon.*
7. Сравнения, выражающие отношения между предметами: *as like as chalk and cheese, as like as two peas.*

На основе этих семантических классов, показательных с точки зрения отражения национально-культурной специфики эталона сравнения,

проводилось сопоставление образных адективных сравнений английского языка с их русскими коррелятами.

Наиболее многочисленными оказались сравнения, обозначающие физические характеристики людей, а также УС, отражающие черты характера людей и их умственные способности. Эти наиболее значимые классы УС продемонстрировали существенные различия в эталоне сравнения. Значительная часть сравнений имеет основанием «разные координаты» в русском и английском языках: *глух как тетерев (пень) – as deaf as an adder (a post, a stone)*; *слеп как крот – as blind as a bat*; *глуп как сивый мерин (осел) – as silly as a goose*; *зол как черт – as cross as a bear*.

Тот факт, что представители одной культуры выдвигают и подчеркивают одни свойства животных, а представители другой культуры – иные свойства, Т.В. Шмелева объясняет «мифологическим контекстом». Это значит, что свойства, которыми наделены животные в мифах, легендах, сказках, былинах, закрепляются в представлении носителей данной культуры, и тот или иной признак ассоциируется впоследствии с определенным животным.

Выводы статьи В.А. Масловой «Сравнение-стереотип как фрагмент образа мира и его национальная специфика» (1997) основаны на материале психолингвистического эксперимента по восприятию внешности человека и его внутренних качеств русскими и белорусами. В ходе эксперимента проверялась гипотеза об универсальности основных категорий, характеристик, свойств, применяемых при описании человека и об этнокультурной специфике их наполнения. Результаты эксперимента показали, что воспринимая внешний облик человека, русские и белорусы близки по мироощущению, по системе ценностей, по тезаурусу. Значительно отличаются ответы испытуемых при восприятии внутренних качеств человека. Носители белорусского языка гораздо чаще, чем русские, употребляют сравнения с разными людьми и природными явлениями; носители русского языка более склонны к сравнениям из области культуры, литературы, с фольклорными героями. Экспериментальные данные дают

основания для установления стереотипных сравнений, ставших штампами, которые характерны для носителей данных языков. Так, всё красивое русские связывают с морем, небом, закатом, цветком, ночью, розой, а белорусы – со звездами, солнцем, цветами, красками, маками, весной. Различны здесь и стереотипные сравнения: для русских – «красивый как кукла», «как на картине», для белорусов – «как ягодка» (Маслова 1997: 102).

И.А. Юрченко на основе анализа УС некоторых славянских (русского, белорусского, чешского и др.), балтийских, германских языков отметила, что наибольшую национальную специфичность имеют УС, образы-эталоны которых связаны с человеком и частями его тела, продуктами питания, артефактами. Автор объясняет данный факт «степенью причастности человека к тем или иным реалиям: чем больше вклад в создание чего-либо, тем специфичнее это воспринимается, так как именно творчество – важнейший аспект человеческой деятельности, рождающий культуру» (Юрченко 2009: 93). Интересно также следующее наблюдение автора: «Самое большое количество уникальных эталонов выявлено в белорусском и чешском языках» (Там же).

Б. Энхжаргал сопоставляет УС русского и монгольского языков. Причины национальной специфичности русских сравнений и их значительных отличий от УС монгольского языка автор видит в «культурно-исторических, этнографических особенностях данной страны», то есть в экстралингвистических факторах, среди которых отмечает закреплённость в народной памяти некоторых исторических событий (*погиб как швед под Полтавой*), отражение традиций, обычаев и ритуалов (*плачет как на девичнике*), указание на реалии мира природы и особенности ландшафта (*воркует как голубок*) и т. п. (Энхжаргал 2009: 35-36). УС, отражающие экстралингвистические культурные факторы, по мнению автора, неизменны, они не подвергаются трансформациям, «являются культурной константой, так как их значения обычно восходят к определенным культурно-историческим

фактам данной страны, раскрывающим связь языка с жизнью народа, нации и их образом мира» (Энхжаргал 2009: 36).

Сопоставив УС русского и арабского языков, Хади Али Хуссейн Хади отмечает несколько отличий в выборе языковой личностью образа-эталона для УС, например: «У арабских информантов значительно преобладают в количественном отношении образы-эталоны, представленные наименованиями лиц по социальному положению и занимаемой должности» (Хади Али Хуссейн Хади 2011: 14). Интересно также наблюдение автора относительно того, что в речи русских информантов «значительно возрастает количество образов-эталонов, представленных наименованиями лиц по национальному признаку», в то время как «в речи арабских информантов они отсутствуют».

В диссертации В.Г. Подхомутникова «Лингвокультурологические особенности устойчивых сравнений в русском и английском языках: (на примере идеографического поля “Внешность”» (2003) исследуются УС, используемые русским и английским этносами для описания внешних физических качеств человека. Данные единицы рассматриваются с точки зрения национально-культурной специфики. Автор пришел к выводу о том, что русское языковое сознание носит более мифологизированный и религиозный характер, нежели английское. В качестве эталонов сравнения представители русского этноса часто используют названия сказочных персонажей, церковнослужителей, Бога и его сподвижников. Ср.: *красив как ангел /как херувим; страшен как черт; тощий как Кощей Бессмертный* и пр. В свою очередь в английском языке эталоны соответствующих групп не имеют широкого распространения – англичане более привязаны к природным объектам, веществам, растениям и птицам. Ср.: *<as> flat as a flounder; <as> fresh as a daisy; <as> black as two shoes etc.*

При совпадении некоторых составляющих элементов сравнительной формулы, последние способны актуализировать различные признаки, те или иные периферийные семы, отсутствующие в одном из языков. Особенно

наглядно это может быть проиллюстрировано на примере компаративной единицы <as> *soft as down*, которая в английском языке имеет в качестве субъекта сравнения не волосы как в русском, а кожу, что свидетельствует о том, что при создании образа представителями русского и английского языковых коллективов доминантными являются абсолютно разные признаки данного природного материала. Русские, сравнивая волосы с *пухом*, в качестве центральных качественных характеристик выделяют мягкость, чистоту, ухоженность волос, а также, что немаловажно, их внешнее сходство с пухом. Англичане, в свою очередь, подчеркивают нежность, мягкость пуха на ощупь, т.е. тактильные ощущения.

Основываясь на результатах семантического анализа, В.Г. Подхомутников делает вывод относительно некоторых ментальных установок рассматриваемых языковых коллективов. Так, англичане более детально подходят к описанию общих впечатлений от внешности человека, не ограничиваясь указанием на признаки, выделяемые посредством зрительного восприятия. Например, при сравнении женщины с цветком, в английском языке на первый план выходят не только ядерные семы яркости, румянца, но также признаки чистоты, здоровья, и даже приятного запаха. Русское же языковое сознание чаще всего оперирует только двумя основаниями сравнения – *красивый/некрасивый*. При описании одежды в Великобритании особое внимание уделяют способности человека содержать ее в чистоте и порядке, в то время как русские основной упор делают на качестве носимых вещей, сочетаемости деталей одежды по цвету и фасону, а также ее адекватности ситуации. Характеризуя форму тела, русские более категоричны и откровенны, нежели англичане, которые склонны придерживаться принципа политической корректности, несмотря на то, что в последнее время, например, быть полным в Великобритании стало неприлично. Анализ некоторых разрядов позволяет также заключить, что особое значение для русских приобретает образное описание глаз и ног

человека, что, вероятно, связано с признанием данных частей тела в качестве важных мифологем русской культуры (Подхомутников 2003: 15-16).

Выявлению национально-культурного компонента значения УС посвящена и кандидатская диссертация К.Э. Нагаевой (2003), выполненная на материале французского языка. Автора интересует вопрос «влияния национального менталитета на формирование национальных языковых картин мира» (Нагаева 2003: 3). К.Э. Нагаева отмечает «преобладание во французских УС сельскохозяйственной тематики», которая указывает на «крестьянские корни» французской нации, а также «следы первобытного тотемизма, а в УС с элементами, обозначающими неживую природу – остатки анимизма» (Нагаева 2003: 16).

Любопытно также наблюдение В.В. Мальковой, сделанное на основе сопоставительного анализа русских и немецких УС: «Особенностью русских устойчивых сравнений является большое разнообразие положительных и отрицательных характеристик, связанных с конкретными частями тела: *голова как арбуз / тыква, зубы как жемчужины, уши как локаторы, живот как барабан, ноги как спички*, в то время как в немецком языке выявлены только такие характеристики человека, как тонкие или длинные ноги» (Малькова 2013: 41-42). Можно предположить, что представитель немецкой лингвокультуры более тактичен в высказывании отрицательных оценок внешнего вида других людей, а для русского человека высказывание такой негативной оценки – обычное, закреплённое в культурной традиции дело.

Сопоставляются национально-специфические черты УС и на материале русского и китайского языков. К примеру, Ч. Ли отмечает образность китайских устойчивых сравнений, сопоставимую с образностью русских: «*Lin ruo bing shuang* (букв. *холодный как лед и иней*); *an ru ran shi* (букв. *незыблемый как скала*); *ren xin si tie* (букв. *жестокое сердце как железо*)» (Ли 2014: 92). Автор отмечает, что «эталонная часть устойчивых сравнений несет в себе национально-культурную самобытность, именно в эталонной части содержится оценка субъектом окружающей действительности», и делает

вывод: «Владение устойчивыми сравнениями очень важно для успешного межкультурного общения представителей китайского и русского народов» (Ли 2014: 93).

Юй Фэнин анализирует сравнения, субъектом которых являются глаза. Автор отмечает национально-специфические эталоны сравнения как в русском языке (*как бусы, как лукошки, как гвоздики, бездонные как колодец*), так и в китайском (*как у дракона, как у феникса, как креветки, как свет от светлячка, как листья ивы*), связанные с культурными и историческими особенностями наших народов (Юй Фэнин 2013: 121).

Совпадение эталонов сравнения у разных европейских народов следует, очевидно, объяснять сходными условиями быта, близостью природно-климатических условий, культурно-исторической общностью, принадлежностью к христианскому миру и – шире – к европейской культуре. Для большинства европейцев *лиса* – эталон хитрости, *баран* – эталон глупости, *ягненок* – эталон кротости, *дуб* – эталон крепости (здоровья) и долголетия, *черт/дьявол* – «универсальный» эталон отрицательных качеств человека, *Отелло* – эталон ревнивого мужа и т.д.

Вместе с тем выбор эталона сравнения зависит от обиходно-культурного опыта членов определенного языкового коллектива, поэтому представления о носителях того или иного качества в разных языках чаще всего не совпадают.

Обратимся к алгоритму рассмотрения УС одного языка на фоне другого языка в лингвокультурологическом аспекте.

1.3 Методика лингвокультурологического анализа устойчивых сравнений

Как указывают Е.И. Зиновьева и А.С. Алёшин (2014), исследования, проводимые в рамках лингвокультурологии, могут быть выполнены на материале одного языка, или двух (нескольких). В первом случае используется интроспективный подход, во втором – контрастивный, свойственный контрастивной лингвистике, с учетом всех достижений этой научной дисциплины. При контрастивном подходе акцент делается на

сходстве и различиях сравниваемых языковых картин мира или их фрагментов. В данном случае можно говорить о контрастивном направлении лингвокультурологии.

Исследователи отмечают, что «лингвокультурологический анализ направлен на выявление путем сочетания традиционных теоретических и экспериментальных лингвистических методов и привлечения энциклопедических, культурологических данных, культурных смыслов, имплицитно представленных в семантике и особенностях функционирования в речи, различных типах дискурса языковых единиц разных уровней. Цель лингвокультурологического анализа – описание целостного представления, вербализуемого языковым знаком различной протяженности (или совокупностью знаков), в сознании представителей одной лингвокультуры. Целостное представление может представлять собой образ, эталон, символ, концепт или совокупность этих ментальных единиц» (Зиновьева, Алёшин 2014 : 8). Выявление целостного представления как результат лингвокультурологического анализа подразумевает определение конкретных параметров изучения, что подразумевает уже методику исследования. Методика лингвокультурологического исследования представляет собой ряд последовательных процедур, содержание и последовательность которых определяются объектом и материалом исследования. Это дает право употреблять множественное число термина – методики (Зиновьева, Алёшин 2014, 8).

Методика лингвокультурологического анализа УС одного языка на фоне другого до последнего времени нигде четко не была обоснована, базировалась на научной интуиции авторов конкретных исследований. Впервые алгоритм подобного анализа был предложен в кандидатской диссертации А.С. Алёшина (2011). Изложим теоретические основы данной методики более подробно.

Концептуальным, общим для любого лингвокультурологического исследования, положением предлагаемого подхода является необходимость сочетания анализа на уровне языка, речи и языкового сознания

представителей определенной лингвокультуры. Соответственно к анализу должны привлекаться данные словарей устойчивых сравнений, фразеологических словарей, материалы национальных языковых корпусов, результаты опросов-анкетирования носителей языков разного возраста, разного рода деятельности и пола. Проведенный анализ научной литературы, посвященной разным аспектам изучения УС, позволил А.С. Алёшину выделить последовательные этапы лингвокультурологического анализа УС.

На первом (подготовительном) этапе исследования необходимо удостовериться в равноположенности единиц языка, являющегося основным объектом внимания, и единиц того языка, который служит фоном для выявления национально-культурной специфики. Для этого необходимо определить лингвистический статус анализируемых единиц двух языков.

На втором этапе анализа необходимо представить идеографическую классификацию объектов сравнения в двух языках, т.е. выявить те сферы, которые характеризуются с помощью УС (например, телосложение, положительные эмоции, отрицательно оцениваемое поведение, манера речи, физические характеристики человека и др.). Выделившиеся в результате классификации идеографические поля (и более мелкие объединения – разряды, группы) далее должны быть подвергнуты сопоставлению: а) с точки зрения представленности / непредставленности таковых в том или ином языке, что позволит выявить значимые лингвокультурологические лакуны; б) с точки зрения наполненности выделенных идеографических объединений, т.к. наличие большего количества УС, характеризующих какую-либо сферу, в одном из языков свидетельствует о «номинативной плотности», т.е. значимости данного фрагмента языковой картины мира для представителей этого лингвокультурного сообщества.

Кроме того, необходимо выявить актуальные для современного языкового сознания носителей языка и устаревшие (устаревающие) УС, незнакомые большинству представителей обеих лингвокультур, для чего необходимо провести анкетирование носителей двух языков.

На следующем этапе исследования необходимо выявить эталоны УС двух языков и представить их тематическую классификацию. Это позволит, во-первых, определить те сферы, которые могут служить объектами УС, а, во-вторых, выявить ограничения на употребление той или иной предметной или другой области в качестве эталонов сравнений.

Далее должны быть определены совпадающие структурно и семантически и различающиеся (национально специфичные по отношению к языку, служащему фоном для исследования) УС языка, являющегося объектом внимания.

Следующий этап анализа предполагает изучение оснований УС. Особый интерес на данном этапе работы представляют те УС двух языков, эталоны которых совпадают, но основания сравнения различаются. Например, сравнение с *волом* присутствует и в шведском, и в русском языках, но основанием сравнения в шведском языке являются такие признаки, как *ленивый* и *спящий*, а в русском – *сильный*, *работающий*.

Выходом на уровень речи должна служить верификация употребления УС двух языков в дискурсах художественной литературы, публицистики, интернет-пространстве, что позволит дополнить результаты анализа, проведенного на словарном уровне, выявить особенности функционирования единиц в различных типах дискурсов.

На заключительном этапе исследования необходимо выявить причины сходств и различий в выборе эталонов и оснований сравнений (мотивацию вербализованных в УС стереотипных национальных представлений), на основании чего можно с известной долей осторожности делать выводы об особенностях видения мира носителями одного и другого языка, о некоторых чертах менталитета, отраженных в системе функционирующих в языке УС (Зиновьева, Алёшин 2014:11).

В исследовательской части данной работы мы будем придерживаться изложенной методики анализа УС русского языка, описывающих отрицательно оцениваемое поведение человека, на фоне китайского.

ВЫВОДЫ

Рассмотрев основные вопросы исследования устойчивых сравнений в лингвокультурологическом аспекте, можно сделать следующие выводы.

Лингвокультурология является теоретической лингвистической дисциплиной, с собственным понятийным аппаратом, объектом, предметом, целями, задачами и единицами изучения. Лингвокультурологический подход позволяет эксплицировать знания носителей национального языкового сознания через анализ языковых единиц *разного* уровня, что позволяет сделать объектом изучения интересующие нас устойчивые сравнения; благодаря подходу от языка к культуре обеспечивается бóльшая объективность выводов, основанных на результатах анализа языкового материала.

Наиболее перспективными направлениями лингвокультурологии на современном этапе представляются фразеологическое направление, сопоставительная лингвокультурология и лингвокультурология. Данное диссертационное исследование ведется в рамках фразеологического и сопоставительного направлений лингвокультурологии.

Под языковой картиной мира в диссертационном исследовании, вслед за Е.С. Яковлевой, понимается зафиксированная в языке и специфическая для данного языкового коллектива схема восприятия действительности. Устойчивые сравнения национального языка, являющиеся одной из составляющих национальной языковой картины мира (как и фразеология в целом), отличаются наибольшей «схематичностью», консервативностью, что позволяет передавать культурную информацию от поколения к поколению, обеспечивает преемственность и стабильность национальных представлений.

В целях лингвокультурологической интерпретации устойчивых сравнений следует рассматривать стереотипы представления, а именно стереотипы-образы, выступающие как эталон, существующий в национальном языковом сознании. Под термином «эталон», вслед за

В.Н. Телия, понимается характерологическая образная подмена свойств человека или предмета какой-либо реалией, персоной, культурным объектом, которая становится знаком доминирующего в них, с точки зрения обиходно-культурного опыта, свойства.

Устойчивые сравнения составляют один из самых многочисленных разрядов фразеологических единиц с однотипными структурно-семантическими свойствами. Устойчивые сравнения на материале разных языков исследовались в различных аспектах: в структурно-типологическом, в когнитивно-функциональном, этнолингвистическом, психоллингвистическом, коммуникативно-прагматическом, в последние годы (хотя и в небольшой степени) и в лингвокультурологическом.

УС русского языка, описывающие отрицательно оцениваемое поведение человека, до настоящего времени не были объектом лингвокультурологического анализа на фоне китайского языка.

Граница включения или не включения УС в состав фразеологизмов весьма размыта. В данном исследовании принимается широкое понимание фразеологии, при котором УС относят к фразеологизмам.

Большинство УС в русском и китайском языках соотносится с канонической – трехкомпонентной логической формулой сравнения: субъект сравнения – основание сравнения – объектная часть, вводимая одним из сравнительных союзов. Эта инвариантная модель УС в речевых реализациях может модифицироваться (экспликация основания сравнения, парцелляция УС).

Анализ структуры и моделей построения устойчивых сравнений русского языка и их аналогов в китайском языке позволяет говорить об одинаковом лингвистическом статусе данных единиц в двух языках.

Объектом анализа в данном диссертационном исследовании являются только те русские единицы, в которых присутствует формальный показатель сравнения – союзы *как, словно, как будто*. Единицы типа *извиваться ужом, громоподобный голос, проще пареной репы* и др. в силу отсутствия

формального показателя (союза) или такого критерия фразеологизма, как раздельнооформленность, не рассматриваются. В противном случае было бы трудно говорить об одинаковом лингвистическом статусе сопоставляемых единиц в типологически неродственных языках, какими являются русский и китайский.

Анализ сопоставительных и лингвокультурологических исследований позволяет сделать вывод о том, что национально-культурная специфика устойчивых сравнений обнаруживается как в плане выражения, так и в плане содержания. В плане выражения это проявляется в наличии в их составе безэквивалентной лексики, этнонимов, топонимов, архаизмов, требующих этимологического или историко-культурного комментария. В плане содержания – в денотативной соотнесенности образа сравнения и сопутствующих ему коннотациях.

В качестве методики лингвокультурологического анализа УС был принят алгоритм, предложенный в диссертационном исследовании А.С. Алёшина.

Теоретические положения данной главы являются базой для исследовательской части работы.

ГЛАВА 2. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ РУССКИХ УСТОЙЧИВЫХ СРАВНЕНИЙ НА ФОНЕ КИТАЙСКИХ

2.1. Идеографические классификации русских и китайских устойчивых сравнений, отрицательно характеризующих поведение человека

2.1.1. Состав и идеографическая классификация русских устойчивых сравнений

В основу рабочей классификации в данной работе положена классификация, предложенная Л.А. Лебедевой. Но в эту классификацию нами были внесены изменения и уточнения в связи с собранным по данным словарей устойчивых сравнений русского языка В.М. Огольцева и В.М. Мокиенко материалом исследования. Были выделены дополнительные идеографические группы, расширен список единиц.

Идеографическое поле устойчивых сравнений русского языка «Поведение, умение вести себя в обществе» включает УС с семантическим основанием *вести себя* и с общим значением ‘в соответствии / не в соответствии с принятыми нормами поведения’, что позволяет выделить два идеографических разряда (ИР): «Вести себя в соответствии с нормами поведения» и «Вести себя не в соответствии с нормами поведения». В первый ИР входят немногочисленные УС:

- 1) ИГ «Вести себя достойно»: *умирать, погибать как герой;*
- 2) ИГ «Вести себя уверенно»: *вести себя, держаться как хозяин; вести себя, держаться, чувствовать себя как дома;*
- 3) ИГ «Приходить куда-либо точно в срок»: *явиться, прибыть куда-либо как штык; быть где-либо, прибыть куда-либо как часы.*

Второй интересующий нас в данном исследовании ИР, негативно характеризующий поведение человека, содержит гораздо больше УС. Наша

картотека насчитывает 141 единицу. Этот разряд включает в себя следующие идеографические группы (ИГ):

1) ИГ «вести себя недостойно» (2 УС): *вести себя как баба (о мужчине), вести себя как скот/скотина;*

2) ИГ «вести себя невоспитанно» (6 УС): *вести себя, поступать как дикарь; вести себя как слон в посудной лавке; плевать как верблюд; зевать как бегемот; кривляться, передразнивать кого-л. как обезьяна; вести себя, держаться (в чужом доме или официальном месте) как у себя дома;*

3) ИГ «вести себя, поступать крайне неразумно, нелогично, предосудительно, чрезмерно бурно» (5 УС): *как безумный, как ненормальный, как белены объелся, как невменяемый, как помешанный;*

4) ИГ «вести себя наивно, неблагоприятно, глупо» (3 УС): *вести себя, поступать как мальчишка (о взрослом мужчине), вести себя как < малый, маленький > ребёнок, вести себя как школьник (неодобрительно о взрослом человеке);*

5) ИГ «вести себя униженно» (4 УС): *вести себя как бедный родственник / бедная родственница; вести себя, сидеть (быть) как сирота (казанская) / сиротка, как чужой; просить, выпрашивать что-л. как нищий / нищая;*

6) ИГ «вести себя неискренне, подбостранно» (13 УС): *вертеться, менять убеждения (вертеться) как флюгер; менять кого-что-л. как перчатки, меняться как хамелеон; вертеться, крутиться как береста на огне, крутиться, изворачиваться как вьюн, как угорь, как уж; петлять как заяц; извиваться, ползать перед кем-л. как червяк; вертеться как юла, вертеться (крутиться) как бес / черт перед заутреней; извиваться (крутиться, вертеться) как уж на сковороде, подражать кому-л. как обезьяна. Следует отметить, что эта ИГ пересекается с группой «Моральные качества человека».*

7) ИГ «вести себя назойливо, надоедать кому-л.» (8 УС): *пристать как банный лист; вцепиться в кого-л., присосаться к кому-л. как клещ, впиваться как клоп, как пиявка; пристать к кому-л. как репей / репейник; пристать,*

прилипнуть к кому-л. как смола; пристать как с ножом к горлу; липнуть (льнуть) к кому-л. как муха к мёду;

8) ИГ «вести себя легкомысленно, безответственно» (2 УС): *бродить, блудить, шляться как мартовский кот; порхать как мотылек;*

9) ИГ «вести себя покорно, подчиняться кому-л.» (2 УС): *делать, исполнять что-л. как миленький; кланяться, кивать, качаться как китайский болванчик;*

10) ИГ «вести себя агрессивно» (5 УС): *бросаться, набрасываться, кидаться на кого-л. как коршун, как зверь, как тигр; как с цепи сорвался; налетать как петух, как ястреб; бросаться, набрасываться, кидаться на кого-л. как пёс; бросаться, набрасываться, кидаться на кого-л. как собака; нападать на кого-л., грабить кого-л. как разбойник;*

11) ИГ «быть, жить в состоянии ожесточенной вражды» (3 УС): *вести себя, быть, жить как пауки в банке; жить как кошка с собакой; грызться как собаки;*

12) ИГ «вести себя трусливо» (3 УС): *быть, делать что-л. как шакал; разбежаться, расползаться, бежать, ползти (в разные стороны, щели и т.п.) как тараканы, разбежаться как крысы с корабля;*

13) ИГ «вести себя холодно, равнодушно» (2 УС): *сидеть (быть) как неродной; вести себя (встретиться, разойтись, проститься и т.п.) как чужие;*

14) ИГ единиц, характеризующих вербальное поведение человека (52 УС).

Внутри данной группы могут быть выделены подгруппы с общим значением:

14.1. 'Говорить громко' (21 УС): *кричать как глухой, как глухому; кричать как в лесу; кричать, орать как оглашенный, как оголтелый, орать как одурелый, очумелый, как ошпаренный, как ужаленный, словно (его) режут, как резаный, как скаженный, как сумасшедший, как шальной; кричать (орать) как за язык повешенный; кричать как на пожаре; кричать как полоумный;*

кричать как резаный/зарезанный, визжать, кричать как <резаный> поросенок, визжать как свинья;

14.2. 'Быстро, торопливо говорить, много, безостановочно болтать' (4 УС): *болтать как балаболка, строчить как пулемет, стрекотать как сорока, трещать как трещотка;*

14.3. 'Ругаться, браниться' (4 УС): *ругаться, браниться как базарная торговка, как торговка на базаре; ругаться, браниться как ломовой извозчик; ругаться, браниться как сапожник;*

14.4. 'Смеяться слишком громко' (5 УС): *ржать, гоготать как жеребец; ржать, гоготать как конь; ржать, гоготать как лошадь; хохотать как безумный; хохотать как сумасшедший;*

14.5. 'Молчать' (18 УС): *молчать, сидеть молча как сыч, молчать как бирюк, как воды в рот набрал, как глухой, как зарезанный, как истукан, как каменный, как камень, как могила, как немой, как онемел, как пень, как рыба, как убитый, словно язык отнялся, словно язык отрезали, словно язык проглотил, словно языка лишился.*

Единичными в составе рассматриваемой группы, не образующими отдельных подгрупп, являются такие УС, как: *врать как сивый мерин, ворчать как старый дед; командовать как генерал; торговаться как цыган / цыганка.*

УС идеографической группы «Вербальное поведение» закономерно входят и в идеографическое поле «Речевая деятельность, речевое общение».

Следующие 3 ИГ могут быть отнесены также к ИП «Движение, перемещение, неподвижность»:

15) ИГ «Вести себя суматошно, с бестолковой поспешностью» (7 УС): *бегать, метаться, носиться как очумелый, как ошалелый, как ошпаренный, как скаженный, как сумасшедший, как ужаленный, как шальной.*

16) ИГ «Вести себя непоседливо, нервозно, чрезмерно подвижно» (8 УС): *вертеться, крутиться как бес, как волчок, как на иголках, как сорока на колу, как на шарнирах, как на шиле, как юла; крутиться, вертеться как пескарь на сковородке.*

17) «Вести себя неподвижно, безмолвно, невозмутимо, не реагируя на окружающих» (6 УС): *сидеть, стоять как идол, как истукан, как каменный, как пень, как чурбан, как чучело.*

18) ИГ «Перемещаться с места на место, не находя себе дела, пристанища» (3 УС): *мыкаться по свету как неприкаянный, как перекаати-поле, кочевать как цыган.* Данная группа находится на периферии интересующего нас разряда устойчивых сравнений, т.к. она пересекается с ИГ «Вести какой-либо образ жизни».

Отдельную группу в нашем материале образуют УС (7 единиц), отрицательно оценивающие поведение человека, но не образующие в собранном материале идеографических групп: *быть важным, распускать хвост как павлин; вести себя, делать что-л. как заговорщик; сидеть (быть) как в гостях; следить за кем-л., подсматривать, подслушивать как шпион, преследовать, выслеживать кого как сыщик; тыкаться как слепой щенок (котёнок).*

ИП «Поведение, умение вести себя в обществе» отмечено, таким образом, большой диффузностью: УС, входящие в это поле, в равной мере могут быть причислены и к другим идеографическим полям: речевой деятельности, моральным качествам человека, движению, перемещению, образу жизни.

С точки зрения гендерной характеристики, все УС, негативно характеризующие поведение человека, могут быть разделены на 2 большие группы:

1. УС, характеризующие мужское поведение (без оснований сравнений): *как мартовский кот, как павлин, как баба, как мальчишка, как школьник, как мотылёк, как жеребец, как конь, как ломовой извозчик, как сапожник.*

2. УС, характеризующие женское поведение: *как генерал, как базарная торговка.*

Представленная тематическая классификация русских УС показывает, что наиболее объемными группами являются группы УС, характеризующих отрицательно оцениваемое вербальное поведение человека (52 единицы), неискреннее поведение (13 единиц) и назойливое поведение (8 единиц). Номинативной плотностью отличаются также характеристики излишне подвижного, непоседливого, суматошного поведения, а также, наоборот, слишком безучастного (всего 21 единица). Можно предположить, что данные участки повышенной номинативной плотности представляют особо важные фрагменты русской картины мира, вербализованной устойчивыми сравнениями. Они указывают на те черты поведения, которые оказываются особенно неприемлемыми и осуждаемыми носителями русского языка.

2.1.2. Состав и тематическая классификация китайских устойчивых сравнений

В китайской лексикографии не существует специального отдельного словаря устойчивых сравнений. Во фразеологическом словаре китайского языка устойчивые сравнения единичны и не выделяются в отдельный разряд. Поэтому основным приёмом сбора материала было анкетирование носителей китайского языка. В качестве информантов выступили люди в возрасте от 20 до 55 лет. Большинство из них составили студенты-филологи, но в опросе участвовали также экономисты, бизнесмены и военные. С точки зрения гендерной характеристики, информанты женского пола составили 60% опрошенных, соответственно, мужчины – 40%. Всего было опрошено 100 человек. При анализе полученных данных принимались во внимание только те УС, которые повторялись в анкетах 2 раза и больше.

Все отобранные 109 УС китайского языка, характеризующие отрицательное поведение человека, можно распределить по следующим идеографическим группам:

1. Вести себя бесстыдно (15 единиц): 流氓 как хулиган, 王八 как черепаха – (Раньше китайцы считали, что черепахи не могут размножаться.

Чтобы продолжать свой род, они в качестве партнеров якобы выбирали змей. Это очень аморально и стыдно); *王八蛋* как *яйцо черепахи*, *蛆虫* как *личинки* – (их всегда можно обнаружить ползающими в кале, поэтому УС используется, когда речь идет о том, что человек занимается плохими делами); *毒瘤* как *токсичная опухоль*; *狐狸* как *лиса*; *发春的猫* как *кошка во время течки*; *野鸡* как *фазан* – (Считается, что голос этой птицы похож на голос женщины легкого поведения); *潘金莲* как *Динлен* – (имя девушки из китайского классического шедевра – «Речные Заводы». Динлен очень красивая. У неё очень ответственный и трудолюбивый муж, но она вступила в тайную связь с распутным сыном одного чиновника); *出墙红杏* как *цветы на стене* – (Когда цветов в саду очень много, то они начинают расти и на стене, а оттуда призывно машут стеблями и головками); *杨柳* (как *ива*); *妓女* (как *иллюха*); *苍蝇* как *муха* (любвеобильный); *西门庆* как *Щимен* – (имя мужчины из китайского классического произведения литературы – «Речные Заводы», сын плохого чиновника, распутный); *种马* как *жеребец*.

2. Вести себя зло (5 единиц): *野兽* как *зверь*, *疯狗* как *бешеная собака*, *土匪* как *бандит*, *狼* как *волк*, *狗* как *собака*.

3. Вести себя трусливо (5 единиц): *老鼠* как *мышь*, *兔子* как *заяц*, *鸟* как *птица*, *乌龟* как *черепаха* (прячется под панцирь), *懦夫* как *дворняжка*.

4. Вести себя невоспитанно (8 единиц): *野人* как *дикарь*, *猪* как *свинья*, *调皮的孩子* как *непослушный мальчик*, *猴子* как *обезьяна*, *农民* как *крестьянин*, *畜生* как *скот*, *混蛋* как *негодяй*, *混账* как *ублюдок*.

5. Вести себя униженно (5 единиц): *受伤的小鸟* как *раненая птица*, *小猫* как *кот*, *乞丐* как *нищий*, *兔子* как *заяц* (в детских рассказах заяц всегда играет роль охотничьего трофея, молит о пощаде), *奴隶* как *раб*.

6. Вести себя неискренне, подобострастно (7 единиц): 狐狸 как лиса; 哈巴狗 как собака; 黄鼠狼 как ласка; 墙头草 как трава на стене; 奸臣 как лукавый чиновник; 老油条 вести себя как тертый калач; 像换衣服一样 менять кого-либо как одежду.

7. Вести себя назойливо, надоедать кому-либо (10 единиц): 鸭子 как утка, 僧人 как монах, 苍蝇 как муха, 老母鸡 как старая курица, 乌鸦 как ворона, 喇叭 как динамик, 鹦鹉 как попугай, 麻雀 как воробей, 老太婆 как старуха, 蚊子 как комар.

8. Вести себя легкомысленно, безответственно (3 единицы): 蝴蝶 как бабочка, 杜鹃 как кукушка, 小男孩 (小女孩) как мальчик (девочка).

9. Вести себя покорно, подчиняться кому-либо (6 единиц): 绵羊 как овца, 人偶 как болванчик, 傀儡 как кукла, 猪 как свинья, 鱼 как рыба, 猫 как кот.

10. Вести себя агрессивно, нападать на слабых и беззащитных (7 единиц): 公牛 как бык, 老虎 как тигр, 狼 как волк, 狮子 как лев, 公鸡 как петух, 地主 как помещик, 野兽 как зверь.

11. Вести себя холодно, равнодушно (14 единиц): 冰 как лёд, 冰山 как айсберг, 石头 как камень, 狼 как волк, 机器人 как робот, 刀 как нож, 陌生人 как к незнакомцу, 杀手 как убийца, 雪 как снег, 铁 как железо, 雕像 как статуя, 冷血动物 как хладнокровное животное, 刺猬 вести себя как ёж, 带刺的玫瑰 как роза с шипами.

12. Сравнения, характеризующие отрицательно оцениваемое речевое поведение (14 единиц): 像疯子一样骂 ругаться как сумасшедший; 像嘴里装着火药一样骂 ругаться как порох во рту (быстро и громко), 像疯狗吠 лаять как бешеная собака; 像泼妇一样吵 кричать как ведьма; 像蚊子一样嗡嗡 зудеть как комар; 像精神病人一样呓语 бредить как психически

больной человек; **像老妇一样埋怨** *ворчать как старуха*; **嘴里跑火车一样撒谎** *врать как поезд во рту* (часто говорить неправду); **说话像放屁** *говорить как пукать* (чьи-либо слова недостоверны); **说话像开炮** *говорить как стрелять из пулемета* (слишком быстро); **长舌妇** *вести себя как женщина с длинным языком*; **酸葡萄** *говорить как кислый виноград* (употребляется, когда человек завидует кому-либо и нарочно говорит про него что-либо плохое); **嚼蜡一样无味** *говорить как есть свечу* (употребляется в ситуации, когда слова человека очень скучны); *говорить как портянки во рту* (используется, если речь человека слишком длинная и грязная).

13. Вести себя пассивно (4 единицы): **豆芽菜** *вести себя как ростки бобов*; **面袋子** *вести себя как мешок муки*; **软柿子** *вести себя как мягкая хурма*; **杆子** *стоять как столб*.

Устойчивые сравнения, не образующие в собранном материале идеографических групп (5 единиц): **电灯泡** *вести себя как лампа* (используется, когда человек выступает как «третий лишний», мешая влюбленным); **朽木** *вести себя как гнилое дерево* (употребляется, когда человек не хочет учиться, получать новые знания); **螃蟹** *идти как краб* (вести себя как тиран, самодур); **孔雀** *вести себя как павлин* (полагать или воображать, что кто-то в тебя влюблен, когда на самом деле это не так); **吸血鬼** *вести себя как вампир* (используется, когда человек стремится только получать, но не отдавать).

С точки зрения гендерной характеристики, УС китайского языка могут быть разделены на такие 2 группы:

А) Поведение женщины, оцениваемое как плохое (12 единиц): **狐狸** *как лиса*, **发情的猫** *как кошка во время течки*, **野鸡** *как фазан*, **潘金莲** *как Динлен*; **出墙红杏** *как цветы на стене*, **杨柳** *как ива*, **公共汽车** *как автобус*

– о доступной женщине; *妓女* как *шлюха*, *蝎* как *скорпион* (в китайской языковой картине мира отрицательная характеристика мужчины – злой, а женщины – ядовитая, скорпион – ядовитое животное), *蛇* как *змея*, *巫婆* как *ведьма*, *带刺的玫瑰* как *роза с шипами*.

Б) Поведение мужчины, оцениваемое как плохое (8 единиц): *苍蝇* как *муха*, *流氓* как *хулиган*, *狼* как *волк*, *野兽* как *зверь*, *陈世美* как *Шимы* (из китайской оперы – «Гильотина». После того как Шимы стал чиновником, он бросил своих жену и ребёнка, даже нанял убийцу, чтобы их убить. «При упоминании имени *Шимы* носитель китайского языка имеет в виду мужчину, который при повышении общественного положения бросает жену и устремляется на поиски новой молодой ее замены» [Воропаев 2015: 69]); *西门庆* как *Щимен*, *败家子* как *блудный сын*, *种马* как *жеребец*.

Таким образом, среди УС китайского языка, отрицательно оценивающих поведение человека, самыми объемными идеографическими группами являются: группа УС, описывающих бесстыдное поведение, вербальное поведение, равнодушное и назойливое. Можно предположить, что номинативная плотность данных подгрупп указывает на то поведение, которое меньше всего приветствуется в китайской картине мира и менталитете.

Сопоставительный анализ представленных классификаций двух языков позволяет сделать некоторые выводы.

И в русском, и в китайском языках выделяются идеографические группы УС, характеризующие вербальное поведение, назойливое, агрессивное, неискреннее, невоспитанное, злое, покорное и униженное.

Только в русском языке присутствуют такие группы УС, которые характеризуют недостойное поведение в целом; неразумное, нелогичное, предосудительное, чрезмерно бурное поведение; наивное поведение, постоянную вражду людей; суматошное поведение; непоседливое, нервное; неподвижное, а также перемещение с места на место, не находя себе дела.

Только в китайском языке выделяются группы УС, характеризующих бесстыдное и пассивное поведение.

Гендерная дифференциация присутствует в УС и русского, и китайского языков. Но большинство УС русского языка дают характеристику мужчине (с различных точек зрения), в отрицательно оцениваемом женском поведении отмечается речевое поведение – как *базарная торговка* и отсутствие женственности, мужской стиль поведения – как *генерал*, тогда как в китайском языке особо номинируется аморальное поведение женщины.

С точки зрения тематической классификации эталонов сравнения, можно отметить, что в обоих языках наиболее многочисленной группой являются зоонимы, затем следуют названия лиц и бытовых реалий, единичными являются мифологемы (*бес* или *черт* в русском языке и *вампир* в китайском). В русском языке особой частотностью характеризуются наименования человека, находящегося не в своем уме – *безумный, сумасшедший, очумелый, скаженный* и т.п. В китайских УС эталонами сравнений являются имена героев классических произведений.

Идеографические группы УС, присутствующие в обоих языках, отличаются по количеству входящих в них единиц. Для детального анализа нами были выбраны сопоставимые по объему и выделяющиеся в двух языках своей номинативной плотностью разряды УС – характеризующие неискреннее и назойливое поведение. В следующих параграфах эти идеографические группы УС будут подробно рассмотрены на фоне китайского языка.

2.2. Устойчивые сравнения, характеризующие неискреннее поведение

Данная группа УС русского языка включает в свой состав, по данным словарей устойчивых сравнений, 13 единиц: *вертеться, менять убеждения как флюгер; менять кого-что-л. как перчатки; меняться как хамелеон; вертеться, крутиться как береста на огне; крутиться, изворачиваться как вьюн; как угорь; как уж; как налим; петлять как заяц; извиваться, ползать*

перед кем-л. как червяк; вертеться (крутиться) как бес / черт перед заутреней; извиваться (крутиться, вертеться) как уж на сковороде; подражать кому-л. как обезьяна.

Синонимичные УС *вертеться как флюгер* и *меняться как хамелеон* объединены значением ‘быть непостоянным, менять свое поведение’.

У С *вертеться как флюгер* словари фиксируют со значением ‘быть непостоянным, менять убеждения, поведение, отношение к людям (презрительно)’ (Огольцев 2001: 722); ‘Пренебрежительно. О непостоянном, часто меняющем свои мнения и убеждения человеке, конъюнктурщике и приспособленце’ (Мокиенко 2003: 459). Образность рассматриваемого УС обусловлена значением его эталона – существительного *флюгер* (заимствовано из нидерландского языка)– ‘прибор для измерения направления и скорости ветра с вращающейся на вертикальном стержне пластинкой или с флажком; устройство для определения направления ветра’. Отсюда и переносное значение, свойственное разговорной речи: ‘пренебрежительно о человеке, который часто меняет свои взгляды, убеждения’ (Шведова 2007: 1053), т.е. образно: куда дует ветер, туда поворачивается и человек.

В материалах Национального корпуса русского языка (далее – НКРЯ) находим контексты употребления данного УС с основанием сравнения *вертеться*: «Если у тебя нет принципов, ты *вертишься, как флюгер*» [Лысенков П.. Двукратный чемпион мира в составе сборной СССР Артур Ирбе: Я отказался от «Динамо» – команды КГБ // Советский спорт, 2011.02.09] и *вести себя*: «А если он бездарен, или слабоволен, или чересчур прислушивается к чужим мнениям, *ведет себя как флюгер*, картина непременно выйдет плохой, деньги будут выброшены зря и государство потерпит моральный и материальный убыток» [Эльдар Рязанов. Подведенные итоги (2000)].

У С *изменяться, менять <свой> цвет, окраску как хамелеон* словари фиксируют в значении ‘быть непостоянным, беспринципно менять убеждения, поведение, выгодно приспособляясь к обстоятельствам’

(Огольцев 2001: 725; Мокиенко 2003: 462). Эталонном УС является зооним *хамелеон* – ‘пресмыкающееся теплых стран отряда ящериц, меняющее свою окраску при цветовых изменениях в окружающей среде’. Переносное значение слова, применительно к человеку, отличается неодобрительной коннотацией – ‘человек, который приспособившись к обстановке, легко меняет свое поведение, взгляды, симпатии’ (Шведова 2007: 1060).

По данным НКРЯ, данное УС чаще употребляется без основания сравнения: «Политик – это *как хамелеон*, у него свои интересы» [Рамзан Кадыров решил на коленях просить Путина остаться на третий срок // Новый регион 2, 2007.06.18]; [Белый, Алексей Панин, муж, 25, 1977] Понимаешь / старик / настоящий актёр / он *как хамелеон*» [Руслан Бальтцер, Александра Большакова. Даже не думай, к/ф (2002)]. Встретились также окказиональные основания сравнения – глагол *маскироваться* и прилагательное *многоцветный*: «А даже наоборот, *как хамелеон*, *маскировался* под нормального советского юношу и в самодеятельности читал "Стихи о советском паспорте" » [Владимир Войнович. Дело № 34840 (1999)]; Жириновский, талантливый "прилипла власти" , *многоцветный*, *как хамелеон*, выходит на выборы с требованием национализации крупных корпораций, имея в виду "ЮКОС" » [Александр Проханов. Как Ходорковскому пролезть сквозь игольное ушко (2003) // «Завтра», 2003.08.06].

Близким по значению к рассмотренным УС является сравнение *менять кого-что-либо как перчатки* – ‘менять, заменять часто, легко и просто: женщин (о мужчине), мужчин (о женщине), а также вкусы, симпатии, убеждения’ (Огольцев 2001: 461). От проанализированных выражений данное УС отличается тем, что оно чаще используется применительно к смене партнера, а не к убеждениям и взглядам. Словарь В.М. Мокиенко фиксирует это значение как единственное и только в отношении мужчин: ‘шутл. О быстрой, легкомысленной смене партнерш в любовных похождениях’ (Мокиенко 2003: 314).

Выбор эталона УС обусловлен тем, что *перчатки* попали в XVIII веке в «Кодекс джентльмена» — свод правил, определяющих поведение мужчин высшего общества. Согласно «Кодексу», джентльмен носил белые перчатки, которые обязан был менять 6 раз в день, чтобы не дать им шанса запачкаться. Ни один другой предмет гардероба не менялся чаще, поэтому перчатки и попали в речевой оборот. Ср. цитату из нашего иллюстративного материала: «Поговорка "Менять женщин как перчатки" появилась в конце XVIII века, когда утвердился стиль денди, требовавший безукоризненности в гардеробе джентльмена» [Светлана Чечилова. Вещь в себе (1999) // «Здоровье», 1999.03.15].

В нашей картотеке УС встречается как применительно к быстрой смене партнера (и в отношении мужчин, и в отношении женщин): « — Ты понимаешь, что он *меняет женщин как перчатки?*» [Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003-2005)]; «Конечно же я пришла в себя, где-то пол года меня ставили на ноги, потом почувствовав в себе силы, я пустилась во все тяжкие, *меняя мужиков как перчатки* иногда по три свидания в день – ничего хорошего, мне сейчас самой противно» [Женщина + мужчина: Психология любви (форум) (2004)], так и применительно к убеждениям: «Если мне скажут: случилось, он подличал в мелочах, иногда склонялся к ренегатству и при кажущейся незыблемости принципов он, по собственному признанию, *менял убеждения, как перчатки*», уверяя при этом, что за каждой изменой следует возрождение, — если мне это скажут, я им отвечу в их же манере: все это декларации человека, кто жаловался и на собственный «фетишизм мелочей» и кому (может быть, даже единственному в России) ни одна мелочь ни разу не застилала глаз» [Венедикт Ерофеев. Проза из журнала «Вече» (1973)]; «С людьми, уверен коммунист, которые *меняют свои политические убеждения как перчатки*, которые приспособливаются под политические условия того или иного момента, которые на самом деле являются глубоко безнравственными или аморальными, – порядочный человек побрезгует

общаться» [Евгений Андреев. Грач: Клычников, Лубина, Ковитиди, Лиев и Удовина – политические проститутки // Новый регион 2, 2010.08.20].

Синонимический ряд УС с общим значением ‘уходить от прямых ответов на вопросы, стремясь скрыть правду’ включает следующие единицы: *вертеться, крутиться как береста на огне; крутиться, изворачиваться как вьюн; как угорь; как уж; как налим и петлять как заяц.*

УС *вертеться, крутиться как береста на огне* имеет значение ‘уходить от прямого ответа на вопросы; хитростью, уловками стремиться скрыть правду’ (Огольцев 2001: 52).

По данным НКРЯ, данное выражение употребляется только в контекстах из произведений XIX века, что позволяет сделать вывод о его устаревшем характере. УС используется с основаниями сравнения *вертеться, крутиться*, отмеченными словарем, а также *корчиться*, например: «— Да ты *не вертись, как береста на огне*, а говори правду, — несколько раз окрикнула Амфея Парфеновна» [Д. Н. Мамин-Сибиряк. Братья Гордеевы (1891)]; «Недаром вечер она, *ровно береста на огне, корчилась*, как речь зашла про Меркулова» [П. И. Мельников-Печерский. На горах. Книга первая (1875-1881)].

Образность рассматриваемого УС обусловлена значением его эталона – существительного *береста* – ‘верхний слой коры берёзы’ (Шведова 2007: 80). Береста при нагревании начинает съезживаться, сворачиваться.

У С *крутиться, изворачиваться как вьюн* словари фиксируют в значении ‘уходить от прямых ответов на вопросы, стремясь скрыть правду, ввести в заблуждение’ (Огольцев 2001: 115); ‘о человеке, который хитрит, изворачивается, обманывает’ (Мокиенко 2003: 176). Эталоном УС является зооним *вьюн* – ‘пресноводная, очень подвижная рыбка с удлинённым червеобразным телом, покрытым мелкой чешуей или без чешуи’ (Шведова 2007: 293).

В материалах НКРЯ УС в интересующем нас значении встретилось только один раз в произведении XIX века, при этом наблюдается расширение компонентного состава выражения: «Правитель краснеет и *извивается, как*

вьюн на сковороде» [М. Е. Салтыков-Щедрин. Помпадуры и помпадурши (1863-1874)]. Большинство контекстов употребления данного УС относится к значению ‘делать гибкие телодвижения’.

УС *крутиться, изворачиваться как угорь* словари фиксируют в значении ‘уклоняться от прямых вопросов, лавировать в словах или поведении, стремясь выйти из затруднительного положения’ (Огольцев 2001: 704); ‘о человеке, любыми способами хитрящем, изворачивающемся, пытающемся уйти от ответа или ответственности’ (Мокиенко 2003: 447). Эталонем УС является зооним *угорь* – ‘рыба со змеевидным телом’ (Шведова 2007: 461).

Ср. в материалах НКРЯ с расширением компонентного состава сравнения: «Органически не способный послать ее подальше, Саша *крутился, как угорь на сковородке* между С. (циллой) и Ларисой, пятась под ее натиском, а она на каждую пядь его отступления отвечала новой атакой» [Нина Воронель. Без прикрас. Воспоминания (1975-2003)].

УС *вертеться, крутиться как уж* входит в состав анализируемого синонимического ряда в значении ‘хитрить, лукавить, лавировать в словах или поступках, стремясь выйти из затруднительного положения’ (Огольцев 2001: 706). Эталонем УС является зооним *уж* – ‘название некоторых неядовитых змей’ (Шведова 2007: 472).

Это УС очень частотно в НКРЯ. См., например: «Не пристало писателю *вертеться, как уж на сковородке*» [Татьяна Соломатина. Мой одесский язык (2011)]; «(Сейчас начнет *вертеться, как уж на сковородке*, — придумывать всякие отговорки!)» [Андрей Житков. Кафедра (2000)]; «На допросах Майсурадзе *вертелась как уж на сковородке*» [Екатерина НИЗАМОВА. Самарчанка разместила телефон соперницы на сайте интим-знакомств // Комсомольская правда, 2009.05.19]; «Один раз в самый неподходящий момент я перепутал имена любимых девушек и *крутился, как уж на сковородке*» [Садчиков Михаил. САША + МАША = ЕГОР + ЕЛЕНА // Труд-7, 2005.03.31]. Необходимо отметить, что в интересующем нас значении УС

выступает только с расширением компонентного состава – *как уж на сковородке*.

УС *ускользать, выскользывать (из рук)* как *налим* словарь фиксирует в значении ‘о человеке, ловко уходящем от изобличений, обвинений’ (Огольцев 2001: 389). Контекстов употребления данного УС в НКРЯ не встретилось.

УС *петлять; путать, запутывать следы как заяц* имеет переносное презрительное значение ‘говорить, отвечать неискренно, стремиться запутать действительное положение дел, чтобы скрыть свою вину или намерения’ (Огольцев 2001: 199); ‘неодобр. Об очень изворотливом, плутоватом человеке, стремящемся обмануть кого-либо, скрыть свои истинные замыслы’ (Мокиенко 2003: 134). В материалах НКРЯ данное УС нам не встретилось.

Таким образом, из шести проанализированных синонимичных УС пять используют в качестве эталона зооним, при этом 3 из пяти являются наименованиями рыб – *налим, угорь* и *вьюн*. Выбор эталонов этой группы не случаен и обусловлен наблюдениями за животными: пресмыкающееся *уж* и все указанные виды рыб имеют гладкое, скользкое, гибкое тело. Что касается зайца, то это животное запутывает следы, специально отклоняется от прямой траектории движения, чтобы сбить со следа хищников. Эталон сравнения *береста* является наименованием бытовой реалии, хорошо знакомой носителям русского языка, используемой для разведения огня, растопки печи в деревенском доме. По семантике оттенком значения от всех синонимов отличается УС *петлять как заяц*, поскольку данное УС содержит сему ‘стремиться запутать истинное положение дел, стремиться обмануть’. Остальные УС содержат общую сему ‘стараться выйти из затруднительного положения’. Наиболее употребительным в настоящее время следует признать УС *вертеться, крутиться как уж на сковородке*.

Синонимичную пару образуют УС *извиваться, ползать перед кем-л. как червяк* и *вертеться (крутиться) как бес / черт перед заутреней*. Эти УС имеют общее значение ‘заискивать перед кем-либо’.

УС *ползать, извиваться, пресмыкаться перед кем как червяк* словари фиксируют с пометой «презрительное» в значении ‘об угодничающем, подличающем перед кем-л. человеке’ (Огольцев 2001: 752; Мокиенко 2003: 480). В качестве эталона сравнения выступает существительное *червяк* – ‘бескостное ползающее животное с вытянутым телом’ (Шведова 2007: 1086). В материалах НКРЯ в интересующем нас значении данное УС встретилось только в контексте из произведения М. Горького (конец XIX века): «Такой... как червяк, все извивался предо мной...» [Максим Горький. Старуха Изергиль (1895)].

По данным словарей, УС *вертеться, крутиться, юлить, метаться как бес/черт перед заутреней* является устаревшим, сопровождается пометой «неодобрительное» и употребляется в значении ‘усиленно заискивать перед кем-л., угождать кому-л.’, используется применительно к пронырливому человеку (Огольцев 2001: 55; Мокиенко 2003: 32). *Бес* – ‘в религии и народных поверьях: злой дух’ (Шведова 2007: 40), а *чёрт* – ‘в религиозных представлениях и народных поверьях: нечистый дух, олицетворяющий зло (изображаемый обычно человекоподобным существом, в шерсти, с рогами, копытами и хвостом)’ (Шведова 2007: 1092). *Заутреня* – ‘ранняя (на рассвете, до обедни) церковная служба у православных’ (Шведова 2007: 270). По народному преданию, первый удар колокола к заутрени прогоняет бесов в пекло, вследствие чего они спешат наиграться до этого момента.

Несмотря на то, что словари отмечают устаревший характер данного УС, нам встретились примеры его употребления в контекстах произведений первой половины XX века: «Клышко юлил и вертелся, как бес перед заутреней, ибо он великолепно знал, что и как покупали его союзники по интригам, которых он при случае не отказывался и топить...» [Г. А. Соломон (Исецкий). Среди красных вождей (1930)]; «Утром Пахом ползал в ногах у Шаврова, целовал иконы в знак того, что пакостить не будет, и по-разному юлил, как бес перед заутреней, но ушел хозяин в лавку, и работник, обнаглев,

щипал Любку, подмигивал Васе Батюшке и ржал, как жеребец» [И. Е. Вольнов (И. Е. Владимиров). Повесть о днях моей жизни (1912)].

Из двух проанализированных синонимичных УС первое отличается более презрительной коннотацией, а второе – устаревающим характером.

Вне синонимических рядов в рассматриваемой идеографической группе устойчивых сравнений оказалось УС *подражать кому-л. как обезьяна*.

УС *подражать кому (дразнить кого, передразнивать кого) как обезьяна* имеет значение ‘О примитивно, наивно, механически, смехотворно подражающем кому-л., обезьянничавшем человеке’. Словарь фиксирует данную единицу с пометой «неодобрительное» (Мокиенко 2003: 287). *Обезьяна* – это ‘млекопитающее отряда приматов’ (Шведова 2007: 534). Мотивацией возникновения УС послужили наблюдения человека за поведением обезьян – эти животные кривляются, гримасничают, корчат рожи, склонны к подражанию и передразниванию. Ср.: «Но даже с вершины своего разума он нередко сравнивает себя с животным: "напился, как свинья", "предан, как собака", "кривляется, как обезьяна", "грациозна, как лебедь" или "трудолюбив, как муравей" ... » [Иванкова Евгения соб. корр. 'Труда'. МУРАВЬИ В ПОТЕМКАХ // Труд-7, 2003.01.30]. На сайте НКРЯ примеров употребления данного УС нам не встретилось. Но см. примеры, найденные с помощью поисковой системы yandex: «Профессор: латыши, как обезьяны, очень стараются кому-то подражать» (<http://rus.delfi.lv/news/daily/latvia/professor-latyshi-kak-obezyany-ochen-starayutsya-komu-to-podrazhat.d?id=38202545>); «Подруга ведёт себя, как обезьяна. Передразнивает и показывает язык. Помогите, как отучить её от этой пагубной привычки?» (<https://otvet.mail.ru/question/84692863>).

Таким образом, внутри рассмотренной группы УС, называющих неискреннее поведение человека, можно выделить 3 синонимических парадигмы: 1) с общим значением ‘быть непостоянным, менять свое поведение’: *вертеться как флюгер; меняться как хамелеон; менять кого-что-*

либо как перчатки. Все единицы данной парадигмы являются употребительными в современном русском языке. УС *менять кого-либо как перчатки* отличается от других единиц ряда ограниченной сочетаемостью – только о смене партнера, но не убеждений, взглядов. 2) Синонимический ряд УС с общим значением ‘уходить от прямых ответов на вопросы, стремясь скрыть правду’ включает наибольшее количество единиц внутри группы: *вертеться, крутиться как береста на огне; крутиться, изворачиваться как вьюн; крутиться, изворачиваться как угорь; крутиться, изворачиваться как уж; крутиться, изворачиваться как налим и петлять как заяц*. Самым частотным и употребительным в современном языке является УС *крутиться, изворачиваться как уж*, с расширением компонентного состава сравнения – *крутиться, изворачиваться как уж на сковороде*. Частотностью отличается также и УС *крутиться, изворачиваться как угорь*, которое также выступает с расширением компонентного состава – *на сковороде*. *Крутиться, изворачиваться как налим* не употребительно в современном языке, а *вертеться, крутиться как береста на огне и крутиться, изворачиваться как вьюн* являются устаревшими УС. *Петлять как заяц* отличается от других синонимов оттенком значения – ‘говорить, отвечать неискренно, стремиться запутать действительное положение дел, чтобы скрыть свою вину или намерения’. Данное УС не является употребительным в современном языке. 3) Синонимичную пару образуют УС *извиваться, ползть перед кем-л. как червяк и вертеться (крутиться) как бес /черт перед заутреней*. Эти УС имеют общее значение ‘заискивать перед кем-либо’. При этом, несмотря на устаревающий характер, отмечаемый словарями, УС *вертеться (крутиться) как бес перед заутреней* является употребительным в современном языке, а примеров использования УС *извиваться, ползть как червяк перед кем-либо* нам не встретилось.

Вне синонимических парадигм оказалось УС *подражать кому (дразнить кого, передразнивать кого) как обезьяна*. Опрос носителей языка

показал их знакомство с данной единицей. Но в материалах НКРЯ данное УС нам не встретилось.

В основном в материалах НКРЯ все единицы используются в словарной форме. Исключения составляют: опущение основания сравнения – *как хамелеон*, варианты оснований сравнения – *вести себя как флюгер* и *корчиться как береста на огне*. Экспрессивно-эмоциональная коннотация УС варьируется от «неодобрительное» до «презрительное» и «пренебрежительное».

В китайском языке идеографическая группа УС со значением **‘вести себя неискренне, подобострастно’** включает 7 единиц: *狐狸 как лиса*; *哈巴狗 как мопс*; *黄鼠狼 как хорёк*; *墙头草 как трава на стене*; *奸臣 как лукавый чиновник*; *老油条 вести себя как тертый калач*; *像换衣服一样 менять кого-либо как одежду*.

Семой ‘лицемерное поведение’ объединяются, на наш взгляд, УС с компонентом-зоонимом: *狐狸 как лиса*; *哈巴狗 как собака* и *黄鼠狼 как хорёк*.

Мотивация выбора эталона УС *狐狸 как лиса* ясна носителю русского языка, т.к. *лиса* является эталоном хитрости и, следовательно, неискреннего поведения как в китайском, так и в русском языковом сознании. Но данное УС китайского языка нельзя признать эквивалентом русской единицы, т.к. не совпадают основания сравнения – в русском языке употребляется только УС *хитрый как лиса*. В китайском языке с данным УС могут сочетаться прилагательные *обольстительный* и *лицемерный*. Кроме того, согласно китайским легендам лиса часто превращается в красивую девушку (такую девушку носители китайского языка называют *狐狸精*, т.е. *обольстительница*) и соблазняет мужчин, чтобы забрать себе их жизненную энергию.

Мотивация китайского УС *哈巴狗 как мопс* (древняя китайская порода собаки) объясняется наблюдением за поведением животного – кто даст ей

кость, за тем она и следует. Это, с одной стороны, собака-компаньон, она безгранично предана своему хозяину и везде готова следовать за ним. Это, с одной стороны, очень жизнерадостные подвижные животные, которым необходимо постоянное внимание и нежность, они способны на полную самоотдачу ради своего хозяина; с другой стороны, сравнение напоминает пословицу *摇尾乞怜* (*yao wei qi lian*, дословно: качать хвостом, чтобы их жалели). Это выражение описывает такого человека, который очень хорошо умеет подлизываться, так называемый *奴才* (*nu cai*, т.е. слуга, устаревшее китайское словосочетание, которое употреблялось вместо местоимения «я» при обращении к трону маньчжурских вельмож и военных чиновников при династии Цин и евнухов при династии Мин).

Подобным образом обстоит дело и с мотивацией возникновения УС *黄鼠狼* как хорёк. Наблюдения за повадками животного показывают, что когда хорёк ведет себя по отношению к вам дружелюбно, это значит, что он уже собирается украсть вашу вещь. Существует такое выражение *黄鼠狼给鸡拜年 — 没安好心* (*huang shu lang gei ji bai nian — mei an hao xin*, дословно: хорёк поздравляет курицу с Новым годом — не имеет доброго намерения).

Образ УС *墙头草* как трава на стене основан на том, что трава качается от дуновения ветра, поэтому меняющего свои взгляды человека сравнивают именно с этим эталоном. Аналогом данного китайского УС можно считать русское УС *вертеться как флюгер*. При совпадении значений единиц двух языков наблюдается разная образность.

УС *奸臣* как лукавый чиновник своим происхождением обязано истории Китая – императора всегда окружали такие чиновники.

УС *老油条* вести себя как тертый калач употребляется, когда речь идет о хитром и лицемерном человеке. Фразеологизм русского языка *тертый калач* обозначает опытного, много повидавшего в своей жизни человека (подобное значение есть и у фразеологизма китайского языка). Но, кроме того, *калач* в китайском языке обозначает традиционный продукт, очень

жирный и скользкий, он легко может выскользнуть из рук. Поэтому в качестве аналогов данного китайского УС в русском языке можно признать УС *как уж, как налим, как вьюн*.

УС *像换衣服一样* *менять кого-либо как одежду* можно считать частичным эквивалентом русского УС *менять кого-либо (что-либо) как перчатки*. Китайское УС также используется применительно к частой смене партнера, относится и к женщинам, и мужчинам (золотой молодежи).

В китайском языке есть такое высказывание: *Братья, как наши руки и ноги, а женщина, как одежда*. – (出自三国演义中刘备之语,全文是:“妻子如衣服,兄弟如手足。衣服破,尚可缝,手足断,安可续”). Это высказывание восходит к историческому роману «Троецарствие», где Лю Бэй говорил, что *«Женщина, как одежда, братья, как наши руки и ноги. Одежда порвалась, сможем её сшить, ноги и руки сломались, никак не сможем их нарастить»*. Это говорит о том, что в тот период императоры (основатель Шу и Хань) обращали больше внимания на дружбу между братьями (друзьями), чем на любовь. В древнем Китае статус мужчины был выше статуса женщины.

В отличие от русского языка китайское УС не употребляется применительно к смене взглядов и убеждений, поэтому находится на периферии рассматриваемой группы, в значении этого выражения в большей степени эксплицируются семы ‘неверность’ и ‘непостоянство’.

Таким образом, абсолютно безэквивалентны относительно китайского языка практически все русские УС рассмотренной группы. Исключения составляют УС *менять кого-либо (что-либо) как перчатки*, которое можно признать частичным эквивалентом китайского УС *менять кого-что как одежду*, а также УС *вертеться как флюгер*, являющееся аналогом китайского УС *как трава на стене* и УС *как налим, как вьюн* и *как угорь*, которые являются аналогами китайского УС *как третий калач*. При совпадении эталона сравнения – *лиса* – не совпадают основания сравнения у русского УС *хитрый как лиса* и китайского УС *лицемерный, обольстительный как лиса*.

Совпадение русского фразеологизма *тeртый калач* по форме с эталоном УС китайского языка может привести к ошибке в межкультурной коммуникации из-за расхождения значений единиц двух языков.

В свою очередь, такие УС китайского языка, как *哈巴狗* как *собака*; *黄鼠狼* как *ласка*; *奸臣* как *лукавый чиновник* являются безэквивалентными относительно русского языка.

2.3. Устойчивые сравнения, характеризующие назойливое поведение

В русском языке ИГ «вести себя назойливо, надоедать кому-л.» включает 8 УС: *пристать как банный лист*; *вцепиться в кого-л.*, *присосаться к кому-л.* как *клещ*; *впиваться как клоп*; как *пиявка*; *пристать к кому-л.* как *репей / репейник*; *пристать, прилипнуть к кому-л.* как *смола*; *пристать как с ножом к горлу*; *липнуть (льнуть) к кому-л.* как *муха к мёду*.

В данной группе единиц можно выделить синонимический ряд, объединяющий 6 УС: *пристать как банный лист*; *вцепиться в кого-л.*, *присосаться к кому-л.* как *клещ*; *пристать к кому-л.* как *репей / репейник*; *пристать, прилипнуть к кому-л.* как *смола*; *пристать как с ножом к горлу*; *липнуть (льнуть) к кому-л.* как *муха к мёду* и синонимичную пару УС *впиваться как клоп*; *присасываться, впиваться как пиявка*.

У С *пристать (привязаться, прицепиться, прилипнуть) к кому как банный лист* квалифицируется словарями как просторечное презрительное или ироничное, а с расширением *к телу (к заднице)* как грубо-просторечное (Мокиенко 2003: 221). Выражение имеет значение ‘о чем-либо назойливом, неотвязном, надоедливом приставании к кому-л. с просьбами, вопросами, разговорами, преследовании кого-л. чем-л. докучным’ (Огольцев 2001: 323; Мокиенко 2003: 221).

Эталоном УС является лист веника, которым парятся в русской бане. Листочки от веника могут прилипнуть к распаренному телу.

Данное УС очень частотно в материалах НКРЯ. Чаще всего оно встречается с основанием *приставать / пристать*. Например: «Но как мне не рассказать ей о моей жизни, если она **пристанет**, как банный лист!» [«Муж не хочет содержать семью» // Комсомольская правда, 2007.04.02]; [Татьяна Ивановна, Анна Овсянникова, жен, 44, 1947]; «А то надоел... сил нет. **Пристал** / как банный лист. Никак не отлипнется» [Николай Досталь, Георгий Николаев. Облако-рай, к/ф (1991)]; «— Черт побери, с какой стати ты **пристал** ко мне как банный лист?!» [Дарья Симонова. Сорванная слива (2002)]. Выражение используется в НКРЯ и с такими основаниями сравнения, как *липнуть (прилипнуть)* и *привязаться*: «Если посмотреть трезвым взглядом — смазливая девица **липнет** как банный лист к каждому мужику, от таких нужно держаться подальше» [Валерий Кичин. Кино убивает двух зайцев (2002) // «Известия», 2002.04.12]; «А вечером Илюшка **прилип** как банный лист: не видели мой бантик?» [Алла Боссарт. Повести Зайцева // «Дружба народов», 1998].

Сравнение встретилось также с расширениями *к заднице* и *к жопе*, приобретая при этом грубо-просторечный характер: «Но не отступился, мазурик, и вечером опять **пристал как банный лист к заднице**, и у Ивана Африкановича что-то надломилось, треснуло в сердце, не стал спать по ночам» [Василий Белов. Привычное дело (1967)]; «— Что ты **пристал как банный лист к заднице!**» [Виктор Ремизов. Воля вольная // «Новый мир», 2013]; «Санитарный контроль **пристанет, как банный лист к жопе**, — что за кот, на каком основании ввозите в страну кота?..» [Владимир Кунин. Кыся (1998-2000)].

Интересен пример, в котором анализируемое сравнение выступает в другом значении – ‘неотступно ходить вслед за кем-либо’ (Огольцев 2001: 323) с основанием *приклеиться*, не зафиксированным словарями, в одном контексте с окказиональным сравнением с тем же значением, эталоном которого служит рыба-прилипала: «Он просто **приклеился** к американскому лидеру, как банный лист или прилипала к акуле, и сопровождал его всюду,

куда тот пытался от Фомича скрыться, но делал это на внутреннем, коротком радиусе» [Виктор Конецкий. Вчерашние заботы (1979)].

Окказиональный вариант УС с образным расширением встретился нам и в значении, не отмеченном словарями – ‘чувствовать себя одиноким’: И теперь, на этой пустынной дороге, в обществе туповатого сержанта Захаренко, Лыков *чувствовал себя всеми брошенным и одиноким, как банный лист на чужой голой заднице*» [Андрей Троицкий. Удар из прошлого (2000)].

Синонимичным рассмотренному является УС *впиваться/впиться (цепляться /вцепиться) в кого, во что как клещ*. Выражение просторечно по стилистической принадлежности и носит неодобрительный характер (Мокиенко 2003: 168).

Клещ – это мелкое насекомое-паразит, способное впиваться в кожу и сосать кровь из животных и человека.

Это УС, как и предыдущее, частотно в материалах НКРЯ: «Потом Таранька *впивался, как клещ*: двадцать копеек гони немедля!» [Юрий Трифонов. Дом на набережной (1976)]; «[Лариса, Татьяна Васильева, жен, 58, 1947] Слушай / ну чё *вцепилась*-то в меня *как клещ*? [Елена Николаева, Юрий Коротков. Попса, к/ф (2005)]»; «Они были переполнены революционным накалом и *вцеплялись* в алкоголика, *как клещ*» [Юность вытрезвителя (2003) // «Криминальная хроника», 2003.07.08].

Ср. также окказиональное расширение УС: «— *Пристали* они к цыганам, *как клещ к собаке*» [Андрей Лазарчук, Михаил Успенский. Посмотри в глаза чудовищ (1996)]; «Чертовы евангелисты, *повлипают* в те книжки, *как клещ в корову*, та понадуваются, что аж ничего не видят и не чувуют» [В. Лихоносов. Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж. Ч. 5 (1983)]. В последнем случае наблюдается и окказиональное основание сравнения.

Но следует отметить, что при употреблении в спортивном дискурсе УС утрачивает отрицательную оценку: «Борис Веригин, *как клещ, впивался* в соперников, в одного за другим, и мог так *впиваться* целый период без

замены» [обозреватель «Советского спорта» Юрий Цыбанев. Прощание с Воскресенском. «Химик» провел последний матч в родном дворце. В ноябре команда переедет на новую арену в Мытищи // Советский спорт, 2005.10.31];

«Но Старостяк *вцепляется* в бразильца, как клещ» [Михаил Солдатов. Эксперименты ЦСКА. Валерий Газзаев оставил лидеров в запасе и поплатился поражением // Советский спорт, 2004.08.16]. В таком употреблении выражение обозначает настойчивость, упорство в достижении цели.

Отрицательная оценка УС теряется и в том случае, если оно характеризует поведение человека, ассоциируемое в языковом сознании с родом его деятельности (в данном случае с проведением следственных мероприятий): «Разумеется, Федор тут же позвонил *следователю* Баглаеву, а уж Ахмедыч своего не упустит, *вопьется* в этого Ламзина *как клещ*, хватка у него знатная» [Александра Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)]; «Володя совестливый, не может себе простить. Да и *следователь вцепился, как клещ*. Не умеют работать, лишь бы свалить на первого попавшегося» [Нина Катерли. Дневник сломанной куклы // «Звезда», 2001].

УС *приставать, липнуть, привязываться; цепляться* (прост.) к кому-либо *как репей [репейник]* имеет значение ‘донимать кого-либо просьбами, требованиями, назиданиями или праздными разговорами’ (Огольцев 2001: 549).

Репей (репейник) – это сорное растение с цепкими, колючими соцветиями или плодами (Шведова 2007: 829). Соцветия этого растения крепко цепляются за одежду, волосы человека или шкуру (мех) животных и таким образом перемещаются на новое место, размножаются. Оторвать репейник от одежды или волос бывает очень трудно.

См. примеры использования этого УС в НКРЯ: «Когда в зале стали гасить свет, а Ярцев под каким-то предлогом уже покинул сцену и ушел за кулисы (к нему *прицепился как репей* какой-то графоман со своими глупыми разговорами), — ему на шею просто кинулась Катя (смяв цветы, которые он

держал в руках), стала жарко целовать» [Алексей Грачев. Ярый-3. Ордер на смерть (2000)]; «Она еще не оформила это в конкретное желание, но снова *прицепилась* к Астре, как *репей*: когда, мол, и когда?» [Галина Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом (2000)]; «Кто такая? *Прилипла*, как *репейник*. Шла бы уже... » [Гала Рудых. Такой устойчивый мир // «Октябрь», 2002].

При употреблении УС в спортивном дискурсе оно теряет отрицательную оценку, обозначая профессиональное, конкурентно способное поведение спортсмена: «Он предельно жестко реагировал на выпады Ибрагимова и, нанеся несколько ударов, мгновенно, *как репей*, *прилипал* в клинче к своему сопернику» [Ярослав КОРОБАТОВ. Друг Тайсона пожалел уши Холифилда // Комсомольская правда, 2007.10.15].

Неодобрительное УС *липнуть* / *прилипнуть* (*прилипнуть*, *приставать* / *пристать*) к кому-либо как смола употребляется применительно к назойливо, навязчиво пристающему к кому-либо человеку (Мокиенко 2003: 396).

Смола – липкий, твердеющий на воздухе, сок хвойных растений (Шведова 2007: 904).

См. примеры использования этого УС в НКРЯ: с основанием сравнения *прицепиться*: «— И чего это ты *прицепился* к нам *как смола*? [А. П. Мартыненко. Дневник (1971) // «Литературная газета», 1971.05.05]; с опущением основания сравнения: «— Да что ты *как смола*... Вот привяжется с чем-нибудь...» [Валентина Осеева. Динка (1959)].

Ср. контекст, в котором интересующее нас УС используется без неодобрительной коннотации: «Он по-прежнему проводил весь день в напряженной и в то же время несуетливой работе, по-прежнему за ним трудно было угнаться, и в тоже время он умел терпеливо простоять у кормушки два-три часа или пять часов проходить за сеялкой, бесконечно мог, через каждые десять минут, забегать в свинарню и *приставать*, как *смола*, к свинарям с вежливыми назойливыми вопросами» [А. С. Макаренко. Педагогическая поэма. Часть 1 (1933)].

Просторечное неодобрительное УС *приставать / пристать к кому как с ножом к горлу* используется, когда речь идет о чьих-либо настойчивых, неотступных, постоянно повторяемых требованиях, просьбах, вопросах (Мокиенко 2003: 284; Огольцев 2001: 405).

См. примеры употребления данного УС в НКРЯ: «С этим вопросом, *как с ножом к горлу*, они *пристают* к Венедиктову» [«Секретные материалы» по-русски // Комсомольская правда, 2001.11.02]; «Отрезы он получил еще в полку до ранения, потом обменял их с придачей на лучшие — довоенной выработки сукно — у старика интенданта, который польстился на его трофейный «вальтер» в генеральской кобуре и *пристал как с ножом к горлу*» [Владимир Богомолов. Момент истины (В августе сорок четвертого...) (1973)].

УС *льнуть (липнуть, лепиться. Прост.) к кому как муха к мёду* имеет в словаре помету «неодобрительное». Выражение используется, когда речь идет о назойливо, докучливо, настойчиво привязывающемся к кому-либо человеку (Мокиенко 2003: 265).

В данном значении это УС в материалах НКРЯ не встретилось. Ср. в значении ‘проявлять симпатию, привязанность к кому-л.’: «— Льнешь ты ко мне всю весну. *Как муха к меду пристаешь*. А срам я от тея только терплю» [В. Ветров. Кедровый дух (1920-1929)]; «Он ко всякой бабе, *как муха к меду!*» [А. Е. Зарин. Четвертый. История одного сыска (1909)].

Следующая пара синонимичных УС отличается по значению от описанного синонимического ряда единиц семей ‘корыстные интересы’.

УС *привязаться (присосаться) к кому как клоп* фиксируется в словаре с пометой «неодобрительное» и имеет значение ‘о назойливом, навязчивом и алчном, корыстолюбивом человеке’ (Мокиенко 2003: 169).

Клоп – насекомое с колющим хоботком, питающееся кровью людей или животных (Шведова 2007: 341).

Примеры употребления данного УС в материалах НКРЯ единичны и допускают вариативность основания сравнения: «Он в меня, *как клоп*,

впился... четыре года *сосет!*» [Максим Горький. На дне (1902)].

В качестве синонима к данному УС выступает выражение *присасываться / присосаться к кому (цепляться / прицепиться к кому, впиваться / впитаться в кого) как пиявка*. УС фиксируется с пометой «презрительное» в значении ‘о чьем-либо назойливом, неотвязном, надоедливом приставании к кому-либо, преследовании кого-либо (обычно в корыстных интересах)’ (Мокиенко 2003: 320).

Пиявка – пресноводный кольчатый червь-кровосос (Шведова 2007: 647).

В материалах НКРЯ УС встретилось с основанием сравнения *вцепиться*: «А я ни в какую: *вцеплюсь, как пиявка!*..» [Юрий Трифонов. Утоление жажды (1959-1962)]; «[№ 7, жен, 40] Отрицательное только к тем / кто как *пиявка* в кого-то *вцепился* и деньги выкачивает» [Беседа с социологом на общественно-политические темы (Воронеж) // Фонд «Общественное мнение», 2003].

УС может использоваться без основания сравнения: «— Как моя мама, — кивнул Вася, — она как *пиявка*» [Маша Трауб. Домашние животные (2009)].

Интересно использование двух УС рассматриваемой группы в одном контексте для усиления экспрессии: «[Лиза, Регина Мянник, жен, 34, 1971] *Присосалась / как клещ! Как пиявка! И сосёт / высасывает из меня!*..» [Максим Коростышевский, Наталья Назарова. Дура, к/ф (2005)].

Таким образом, рассмотренные русские УС очень близки по значению. Выделяются две синонимические парадигмы, отличающиеся оттенком значения. В качестве эталонов сравнения используются зоонимы - названия кровососущих насекомых: *клещ, клоп, пиявка, муха* и фитонимы и их части – *репей (репейник), банный лист, смола*. В качестве эталона сравнения может также выступать ситуация – *как с ножом к горлу*. Наиболее частотными, по данным НКРЯ, являются УС *как банный лист* и *как клещ*. Такие УС, как *приставать как репей, приставать как смола* и *впитаться как клещ* могут

утрачивать в некоторых контекстах отрицательную оценку. Особенно это характерно для употребления в спортивном дискурсе.

В китайском языке ИГ «вести себя назойливо, надоедать кому-л.» включает 10 УС: *鸭子 как утка*, *僧人 как монах*, *苍蝇 как муха*, *老母鸡 как старая курица*, *乌鸦 как ворона*, *喇叭 как динамик*, *鹦鹉 как попугай*, *麻雀 как воробей*, *老太婆 как старуха*, *蚊子 как комар*.

Эталонами сравнений в китайском языке являются зоонимы – наименования птиц: *утка*, *курица*, *ворона*, *попугай*, *воробей* и насекомых: *муха* и *комар*, а также наименования лиц: *монах* и *старуха*. Отдельно выделяется такой эталон, как наименование бытовой реалии – *динамик*.

УС *鸭子 как утка* мотивировано наблюдением за неприятным криком птицы, с которым сравнивается звук человеческого голоса.

УС *老母鸡 как старая курица* используется применительно к человеку, который непрерывно болтает и досаждаёт этим другим. Обычно употребляется применительно к поведению пожилой женщины. Сравнение мотивировано негативной оценкой звуков, издаваемых старой курицей.

Образ *вороны* негативно коннотирован в китайской культуре, её крик (как и в русской культуре) предвещает несчастье. Если человек назойливо повторяет одни и те же плохие предсказания, то его сравнивают с этой птицей – *乌鸦 как ворона*.

Попугай постоянно повторяет слова, надоедая окружающим, отсюда УС *鹦鹉 как попугай*.

Постоянное щебетанье воробья, свойственное птицам поведение собираться стайками и громко чирикать, легли в основу УС *麻雀 как воробей* – о громко разговаривающем, мешающем другим человеку (людях).

УС *苍蝇 как муха* можно признать частичным эквивалентом русской единицы *липнуть как муха к меду*. В китайском языке есть выражение, в буквальном переводе означающее «муху невозможно выгнать».

Наблюдением за назойливым жужжанием комара над ухом человека обусловлено китайское УС 蚊子 как комар.

Непрерывно болтающего человека сравнивают с монахом, читающим молитву – 僧人 как монах. Синонимичным данному УС является выражение 老太婆 как старуха. Пожилые женщины любят много говорить и ругаться, надоедая другим.

УС 喇叭 как динамик мотивировано тем, что из динамика постоянно льются какие-то звуки, человеческая речь и т.п.

Таким образом, основной мотивационный признак, положенный в основу китайских УС – звуки, производимые животными, характеристика речи человека или речи, звучащей по радио. Таким образом, назойливость рассматривается только применительно к речевому поведению человека.

ВЫВОДЫ

Проведенный в данной главе анализ языкового материала позволяет сделать следующие выводы.

УС русского языка, характеризующие отрицательно оцениваемое поведение человека, могут быть классифицированы по 17 идеографическим группам. Среди аналогичных УС китайского языка можно выделить 13 идеографических групп. Сходства и различия в составе ИГ двух языков и их количественном наполнении наглядно могут быть представлены в виде следующей таблицы.

Таблица № 1. Идеографические группы УС русского и китайского языков, описывающих отрицательно оцениваемое поведение человека

Идеографическая группа	Количество УС русского языка	Количество УС китайского языка
«Вести себя недостойно»	2 единицы	
«Вести себя невоспитанно»	6 единиц	8 единиц
«Вести себя, поступать крайне неразумно, нелогично, предосудительно, чрезмерно бурно»	5 единиц	
«Вести себя наивно, неблагоприятно, глупо»	3 единицы	
«Вести себя униженно»	4 единицы	5 единиц
«Вести себя неискренне, подобострастно»	13 единиц	7 единиц
«Вести себя назойливо, надоедать кому-л.»	8 единиц	10 единиц
«Вести себя легкомысленно, безответственно»	2 единицы	3 единицы
«Вести себя покорно, подчиняться кому-л.»	2 единицы	6 единиц
«Вести себя агрессивно»	5 единиц	7 единиц
«Быть, жить в состоянии ожесточенной вражды»	3 единицы	
«Вести себя трусливо»	3 единицы	5 единиц
«Вести себя холодно, равнодушно»	2 единицы	14 единиц

Характеристика вербального поведения человека	52 единицы	14 единиц
«Вести себя суматошно, с бестолковой поспешностью»	7 единиц	
«Вести себя непоседливо, нервно, чрезмерно подвижно»	8 единиц	
«Вести себя неподвижно, безмолвно, невозмутимо, не реагируя на окружающих»	6 единиц	
«Перемещаться с места на место, не находя себе дела, пристанища»	3 единицы	
Вне идеографических групп	7 единиц	5 единиц
«Вести себя бесстыдно»		15 единиц
«Вести себя зло»		5 единиц
«Вести себя пассивно»		4 единицы

Как видно из приведенной таблицы, безэквивалентными относительно китайского языка являются такие ИГ УС русского языка, как «Вести себя недостойно», «Вести себя, поступать крайне неразумно, нелогично, предосудительно, чрезмерно бурно», «Вести себя наивно, неблагоприятно, глупо», «Быть, жить в состоянии ожесточенной вражды», «Вести себя суматошно, с бестолковой поспешностью», «Вести себя непоседливо, нервно, чрезмерно подвижно», «Вести себя неподвижно, безмолвно, невозмутимо, не реагируя на окружающих», «Перемещаться с места на место, не находя себе дела, пристанища». В свою очередь, безэквивалентными относительно русского языка являются такие ИГ УС китайского языка, как «Вести себя бесстыдно», «Вести себя зло» и «Вести себя пассивно». Большая разница в количественном наполнении наблюдается в таких ИГ, как «Вести себя холодно, равнодушно» – 2 единицы в русском языке и 14 в китайском; и в ИГ УС, характеризующих речевое поведение, – 52 единицы в русском языке и 14 в китайском. Состав ИГ двух языков и количественное наполнение каждой из них позволяют сделать предположения о важности для носителей двух лингвокультур тех групп УС, которые отличаются наибольшей номинативной плотностью.

Гендерные различия присутствуют в УС обоих языков. Различия в этом аспекте характеристики поведения можно представить в виде следующей таблицы.

Таблица № 2. УС русского языка, описывающие отрицательное поведение с точки зрения гендерной характеристики, на фоне УС китайского языка

	УС, характеризующие мужское поведение	УС, характеризующие женское поведение
Русский язык	<i>Как мартовский кот, как павлин, как баба, как мальчишка, как школьник, как мотылёк, как жеребец, как конь, как ломовой извозчик, как сапожник.</i>	<i>Как генерал, как базарная торговка.</i>
Китайский язык	<i>Как муха, как хулиган, как волк, как зверь, как Шимы, как Цимен, как блудный сын, как жеребец.</i>	<i>Как лиса, как кошка во время течки, как фазан, как Динлен; как цветы на стене, как ива, как автобус, как шлюха, как скорпион, как змея, как ведьма, как роза с шипами.</i>

Таким образом, в русском языке количественно преобладают УС, отрицательно оценивающие поведение мужчины, а в китайском языке – женщины.

С точки зрения тематической классификации эталонов сравнения, можно отметить, что в обоих языках наиболее многочисленной группой являются зоонимы, затем следуют названия лиц и бытовых реалий, единичными являются мифологемы (*бес* или *черт* в русском языке и *вампир* в китайском). В русском языке особой частотностью характеризуются наименования человека, находящегося не в своем уме – *безумный, сумасшедший, очумелый, скаженный* и т.п. В китайских УС эталонами сравнений являются имена героев классических произведений.

Детальный лингвокультурологический анализ двух сопоставимых в количественном отношении и наиболее объемных групп УС в двух языках позволил сделать выводы относительно эквивалентности/безэквивалентности данных УС русского и китайского языков. Полученные результаты могут быть наглядно представлены в таблице № 3.

Таблица № 3. Русские УС, характеризующие неискреннее и назойливое поведение, на фоне УС китайского языка

Русские УС, безэквивалентные относительно китайского языка	Китайские УС, безэквивалентные относительно русского языка	Частичные эквиваленты
<p><i>Меняться как хамелеон; вертеться, крутиться как береста на огне, петлять как заяц; извиваться, ползать перед кем-л. как червяк; вертеться как юла, вертеться (крутиться) как бес /черт перед заутреней; извиваться (крутиться, вертеться) как уж на сковороде, подражать кому-л. как обезьяна; пристать как банный лист; вцепиться в кого-л., присосаться к кому-л. как клещ, впиваться как клоп, как пиявка; пристать к кому-л. как репей / репейник; пристать, прилипнуть к кому-л. как смола; пристать как с ножом к горлу; липнуть (льнуть) к кому-л. как муха к мёду.</i></p>	<p><i>Как собака; как ласка; как лукавый чиновник; как утка, как монах, как муха, как старая курица, как ворона, как динамик, как попугай, как воробей, как старуха, как комар.</i></p>	<p><i>Рус. менять кого-либо (что-либо) как перчатки. Кит. менять кого-что-л. как одежду.</i></p> <p><i>Рус. вертеться как флюгер. Кит. как трава на стене.</i></p> <p><i>Рус. как налим, как вьюн и как угорь. Кит. как тертый калач.</i></p>

При совпадении эталона сравнения – *лиса* – не совпадают основания сравнения у русского УС *хитрый как лиса* и китайского УС *лицемерный, обольстительный как лиса*.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В результате анализа научной литературы по затронутой в диссертационном исследовании проблематике, можно констатировать отсутствие лингвистических работ, посвященных изучению УС русского языка, описывающих отрицательно оцениваемое поведение человека, на фоне китайского языка.

Проведенный в соответствии с принятой научной методологией анализ УС русского языка, характеризующих отрицательно оцениваемое поведение человека, на фоне их аналогов в китайском языке позволяет сделать следующие выводы.

Анализ структуры и моделей построения устойчивых сравнений русского языка и устойчивых сравнений китайского языка позволяет говорить об одинаковом лингвистическом статусе данных единиц в соответствующих языках.

Идеографическая классификация 141 УС русского языка и 109 УС китайского языка показала, что основные идеографические группы в двух языках совпадают. Только в русском языке присутствуют такие группы УС, которые характеризуют недостойное поведение в целом; неразумное, нелогичное, предосудительное, чрезмерно бурное поведение; наивное поведение, постоянную вражду людей; суматошное поведение; непоседливое, нервное; неподвижное, а также перемещение с места на место, не находя себе дела. Только в китайском языке выделяются группы УС, характеризующих бесстыдное и пассивное поведение.

Гендерная дифференциация присутствует в УС и русского, и китайского языков. Но большинство УС русского языка дают характеристику мужчине (с различных точек зрения), в отрицательно оцениваемом женском поведении отмечается речевое поведение – *как базарная торговка* и отсутствие женственности, мужской стиль поведения – *как генерал*, тогда как в китайском языке особо номинируется аморальное поведение женщины.

С точки зрения тематической классификации эталонов сравнения, можно отметить, что в обоих языках наиболее многочисленной группой являются зоонимы, затем следуют названия лиц и бытовых реалий, единичными являются мифологемы (*бес* или *черт* в русском языке и *вампир* в китайском). В русском языке особой частотностью характеризуются наименования человека, находящегося не в своем уме – *безумный, сумасшедший, очумелый, скаженный* и т.п. В китайских УС эталонами сравнений являются имена героев классических произведений.

Идеографические группы УС, присутствующие в обоих языках, отличаются по количеству входящих в них единиц.

Детальному лингвокультурологическому анализу были подвергнуты сопоставимые по объему и выделяющиеся в двух языках своей номинативной плотностью ИГ УС – характеризующие неискреннее и назойливое поведение.

Проведенный анализ показал, что все единицы идеографической группы русских УС, обозначающих назойливое поведение, являются безэквивалентными относительно китайского языка. В качестве эталонов сравнения русского языка используются зоонимы - названия кровососущих насекомых: *клещ, клоп, пиявка, муха*, и фитонимы и их части – *репей (репейник), банный лист, смола*. В качестве эталона сравнения может также выступать ситуация – *как с ножом к горлу*. Наиболее частотными среди русских единиц являются УС *как банный лист* и *как клещ*. Такие УС, как *приставать как репей, приставать как смола* и *впиться как клещ* могут утрачивать в некоторых контекстах современного русского языка отрицательную оценку. Особенно это характерно для употребления в спортивном дискурсе.

В свою очередь, все УС китайского языка данной ИГ оказались безэквивалентными относительно русского языка. Основным мотивационный признак, положенный в основу китайских УС – звуки, производимые животными (*как утка, курица, ворона, попугай, воробей, муха, комар*), характеристика речи человека (*как монах, как старуха*) или речи, звучащей

по радио (*как динамик*). Таким образом, назойливость в УС китайского языка рассматривается только применительно к речевому поведению человека.

УС русского языка идеографической группы, обозначающей неискреннее поведение человека, в большинстве своем также безэквивалентны относительно китайского языка. Исключения составляют УС *менять кого-либо (что-либо) как перчатки*, которое можно признать частичным эквивалентом китайского УС *менять кого-что как одежду*, а также УС *вертеться как флюгер*, являющееся аналогом китайского УС *как трава на стене* и УС *как налим, как вьюн и как угорь*, которые являются аналогами китайского УС *как тертый калач*. При совпадении эталона сравнения – *лиса* – не совпадают основания сравнения у русского УС *хитрый как лиса* и китайского УС *лицемерный, обольстительный как лиса*. Совпадение русского фразеологизма *тертый калач* по форме с эталоном УС китайского языка может привести к ошибке в межкультурной коммуникации из-за расхождения значений единиц двух языков, т.к. *калач* в китайском языке обозначает традиционный продукт, очень жирный и скользкий, который легко может выскользнуть из рук.

В свою очередь, такие УС китайского языка, как *как собака; как ласка; как лукавый чиновник* являются безэквивалентными относительно русского языка.

Национально-культурная специфика русских УС обусловлена или принадлежностью эталона сравнения к национальным реалиям (*банный лист, береста, заутреня*), или историко-культурным контекстом возникновения сравнения (*менять кого-что-л. как перчатки*), или одновременно тем и другим (*вертеться как черт перед заутреней*).

Список использованной литературы

1. Абыякая, О.В. Мифологическая лексика русского языка в лингвокультурологическом аспекте и принципы ее лексикографического описания: Дис. ... канд. филол. наук. – СПб., 2003. – 240 с.
2. Алёшин, А.С. Устойчивые сравнения шведского языка, характеризующие человека: Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04. – Санкт-Петербург, 2011. – 24 с.
3. Алёшин, А.С. Устойчивые сравнения шведского языка: лингвокультурологический аспект. – СПб.: Нестор-История, 2012. – 260 с.
4. Апресян, Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. – 1995. – № 1. – С. 37-67.
5. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. – М.: Наука, 1988. – 341с.
6. Богрова, К.М. Русская национальная концептосфера: устойчивые сравнения в диахронии / К.М. Богрова // [Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского](#). – 2012. – № 5-3. – С. 14-19.
7. Бойко, Л.Г. Зооморфный код культуры в семантике устойчивых сравнений / Л.Г. Бойко // [Известия Волгоградского государственного педагогического университета](#). – 2008а. – № 5. – С. 94-97.
8. Бойко, Л.Г. Культурно маркированное содержание устойчивых сравнений русского языка: Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Волгоград, 2009. – 26 с.
9. Бойко, Л.Г. Мир флоры в устойчивых сравнениях / Л.Г. Бойко // [Известия Волгоградского государственного педагогического университета](#). – 2008б. – № 10. – С. 75-77.
10. Бойко, Л.Г. Типы ценностей и особенности их репрезентаций в устойчивых сравнениях русского языка / Л.Г. Бойко // [Грани познания](#). – 2014. – № 5 (32). – С. 78-83.

11. Брилева И.С., Вольская Н.П., Гудков Д.Б., Захаренко И.В., Красных В.В. Русское культурное пространство. – М.: Изд-в "Гнозис" Москва, 2004.
12. Брутян, Г.А. Язык и картина мира // Философские науки. – 1973. – № 1. – С. 108-111.
13. Ван Ливэнь. Показатели сравнения в русском и китайском языках / Ван Ливэнь // [Творчество Флора Васильева и вопросы языка, литературы, образования в глобализирующемся мире](#): Мат. IV Междунар. научно-практ. конф. – Глазов: ГГПИ им. В.Г. Короленко, 2014а. – С. 174-179.
14. Ван Ливэнь. Структурные типы устойчивых сравнений, характеризующих внешность человека / Ван Ливэнь // [Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки](#). – 2014б. – № 1. – С. 192-196.
15. Виноградов, В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове / В.В. Виноградов. – М.: Высшая школа, 1972. – 614 с.
16. Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании / С.Г. Воркачев // Филологические науки. – 2001. – № 1. – С. 64-72.
17. Воробьев, В.В. Лингвокультурология: теория и методы. – М.: Лабиринт, 1997. – 336 с.
18. Воробьев, В.В. О статусе лингвокультурологии // Материалы IX Конгресса МАПРЯЛ. – М., 1999. – С. 105-112.
19. Воробьева, Л.Б. Русские устойчивые сравнения в сопоставлении с литовскими: Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Псков, 2002. – 20 с.
20. Горбачевич К.С. Словарь сравнений и сравнительных оборотов в русском языке / К.С. Горбачевич. – М.: АСТ; Астрель; Ермак, 2004. – 285 с.
21. Гуламова, З.Ю. Социальный статус человека как объект сравнения в системе устойчивых сравнений русского языка / З.Ю. Гуламова // [Сборники конференций НИЦ Социосфера](#). – 2011. – № 13. – С. 169-174.

22. Давлетбердина, А.Р. Структура устойчивых сравнений с точки зрения действия механизма ассоциируемых импликаций / А.Р. Давлетбердина // [Вестник Башкирского университета](#). – 2009. – Т. 14. – № 4. – С. 1356-1359.
23. Денисенко, М.В. Роль этнических стереотипов в поиске русскими новой этнической идентичности в условиях постсоветской трансформации: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 1999. – 22 с.
24. Зиновьева, Е.И. Лингвокультурология. Теория и практика / Е.И. Зиновьева, Е.Е. Юрков. – СПб.: МИРС, 2009. – 291 с.
25. Иванова, Е.А. Стереотип как феномен культуры: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 2000. – 24 с.
26. Ильясова, Л.И. Устойчивые сравнения с компонентом чёрный/black в русском и английском языках / Л.И. Ильясова // [Вестник Чувашского университета](#). – 2009. – № 3. – С. 240-244.
27. Касевич, В.Б. Буддизм. Картина Мира. Язык / В.Б. Касевич. – СПб.: Центр «Петерб. Востоковедение», 2004. – 284 с.
28. Кобызева, Н.И. Устойчивые сравнения как средство характеристики способностей человека в донских говорах / Н.И. Кобызева // [Известия Волгоградского государственного педагогического университета](#). – 2011. – № 10 (64). – С. 80-83.
29. Корнилов, О.А. Языковые картины мира как производные национальных менталитетов / О.А. Корнилов. – М.: ЧеРо, 2003. – 349 с.
30. Красных, В.В. «Свой» среди «чужих»: миф или реальность? / В.В. Красных. – М.: «Гнозис», 2003. – 375 с.
31. Красных, В.В. Грамматика лингвокультуры, или что держит языковую картину мира? / В.В. Красных // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013. – № 1. – С. 122-130.
32. Красных, В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М.: «Гнозис», 2002. – 284 с.
33. Красных, В.В. Язык и культура сквозь призму многомерности бытия человека говорящего / В.В. Красных // Динамика языковых и

культурных процессов в современной России. Материалы III конгресса РОПРЯЛ. – Т. I. – СПб.: Изд. дом «МИРС», 2012. – С. 345-349.

34. Крылова, М.Н. «Как рыба в воде» (Устойчивые сравнения: традиции и трансформации) / М.Н. Крылова // Русская речь. – 2013. – № 5. – С. 58-64.

35. Кузнецова, И.В. Динамика русских устойчивых сравнений с именами библейских персонажей / И.В. Кузнецова // [Вестник Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого](#). – 2011. – № 63. – С. 99-102.

36. Кузнецова, И.В. Устойчивые сравнения русского языка (в сопоставлении с украинскими и сербохорватскими): Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Санкт-Петербург, 1995. – 16 с.

37. Кювлиева, В. Устойчивите сравнения в българския език / В. Кювлиева. – София: Българската Академия на Науките, 1986. – 276 с.

38. Лебедева Л.А. Устойчивые сравнения русского языка. Тематический словарь / Л.А. Лебедева. – Краснодар: Кубан. гос. ун-т, 1998. – 270 с.

39. Лебедева, Л.А. Устойчивые сравнения русского языка во фразеологии и фразеографии: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Краснодар, Кубанский госуниверситет, 1999. – 34 с.

40. Ли, Ч. Устойчивые сравнения, описывающие характер человека, в русском и китайском языках / Ч. Ли // [Вестник Центра международного образования Московского государственного университета. Филология. Культурология. Педагогика. Методика](#). – 2014. – № 2. – С. 90-93.

41. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию. – М.: Изд-во МГУ, 1982. – 479 с.

42. Лотман, Ю.М. Семиосфера: культура и взрыв. – СПб.: Искусство-СПб, 2000. – 703 с.

43. Лотман, Ю.М. Символ в системе культуры // Лотман Ю.М. Избранные статьи: В 3 т. – Т 1. – Таллинн: Александра, 1992. – С. 191-199.

44. Малькова, В.В. Реализация тематического поля «внешность человека» в устойчивых сравнениях русского и немецкого языков / В.В.

М а л ь к о в а // [Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика](#). – 2013. – № 4. – С. 39-43.

45. Марьянчик, В.А. Аксиологическая функция устойчивых сравнений в медиа-политическом тексте / В.А. Марьянчик // [Вестник Северного \(Арктического\) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки](#). – 2009. – № 1. – С. 97-102.

46. Маслова, В.А. Лингвокультурология. – М.: Академия, 2001. – 28-29с.

47. Маслова, В.А. Лингвокультурология: Учебное пособие. 2-е изд. – М.: Академия, 2004. – 208 с.

48. Мокиенко, В.М. Словарная разработка русской фразеологии / В.М. Мокиенко, Т.Г. Никитина // Большая Наука Буапегша. – 1994. – С. 107-147.

49. Нагаева, К.Э. Национально-культурный компонент значения французских устойчивых сравнений: Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.05. – М., 2003. – 19 с.

50. Никитина, М.В. Идея антропоцентричности в народных устойчивых сравнениях / М.В. Никитина // [Вестник Чувашского университета](#). – 2010. – № 2. – С. 202-206.

51. О г о л ь ц е в , В . М . У с т о й ч и в ы е с р а в н е н и я в системе русской фразеологии / В.М. Огольцев. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1978. – 159 с.

52. Огольцев, В.М. Устойчивые компаративные структуры в системе современного русского языка: Автореферат дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.01. – Л., 1974. – 41 с.

53. Окунева, И.О. Прототипы и стереотипные представления о красоте человека в системе устойчивых сравнений русского и английского языков / И.О. Окунева // [Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация](#). – 2008. – № 3. – С. 100-108.

54. Ольшанский, И.Г. Лингвокультурология в конце XX в.: Итоги, тенденции, перспективы / И.Г. Ольшанский // Лингвистические исследования в конце XX в.: Сб. обзоров. – М.: ИНИОН РАН, 2000. – С. 26-55.

55. Подхомутников, В.Г. Лингвокультурологические особенности устойчивых сравнений в русском и английских языках (на примере идеографического поля «Внешность»): Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.20. – Омск, 2002. – 20 с.

56. Подчаха, О.В. Особенности многозначности устойчивых сравнений / О.В. Подчаха // [Преподаватель XXI век](#). – 2012. – [№ 1-2](#). – С. 329-335.

57. Прохоров, Ю.Е. Национальные социокультурные стереотипы речевого общения и их роль при обучении русскому языку иностранцев. – М.: ИКАР, 1996. – 215 с.

58. Руднев В. В. Словарь культуры XX века. М., 1997

59. Рыженкова, А.А. Пути передачи экспрессивности и оценочности устойчивых сравнений / А.А. Рыженкова // [Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 9: Филология. Востоковедение. Журналистика](#). – 2009. – [№ 1-1](#). – С. 71-75.

60. Смагулова, Г.К. Теоретическое осмысление устойчивых сравнений / Г.К. Смагулова // [Актуальные проблемы современной науки, техники и образования](#). – 2011. – [№ 2](#). – С. 131-134.

61. Сорокин, Ю.А. Стереотип, штамп, клише: К проблеме определения понятий // Общение: Теоретические и прагматические проблемы. – М., 1998. – С. 21-39.

62. Теляя, В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и культурологический аспекты / В.Н. Теляя. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

63. Теляя, В.Н. Русская фразеология. Семантические, прагматические и лингвокультурологические аспекты / В.Н. Теляя. – М.: Языки русской культуры, 1996. – 288 с.

64. Тхорик, В.И., Фанян Н.Ю. Лингвокультурология и межкультурная коммуникация. – М.: ГИС, 2005. – 259 с.
65. Уфимцева, Н.В. Русские: опыт ещё одного самопознания // Этнокультурная специфика языкового сознания. – М., 1996. – С. 75-88.
66. Хади Али Хуссейн Хади. Образы-эталоны как объекты устойчивых сравнений в словаре и речи: Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.01. – Воронеж, 2011. – 22 с.
67. Хроленко, А.Т. Основы лингвокультурологии: Учебное пособие / А.Т. Хроленко; под ред. В.Д. Бондалетова. – М.: Флинта, Наука, 2008. – 181 с.
68. Элмасян, А.В. Лингвистические основы создания двуязычного (русско-английского) тематического словаря устойчивых сравнений: Автореферат дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19. – Краснодар, 2010. – 22 с.
69. Энхжаргал, Б. Устойчивые сравнения как культурная константа / Б. Энхжаргал // [Мир науки, культуры, образования](#). – 2009. – № 6. – С. 35-36.
70. Энциклопедия символов, знаков, эмблем / Сост. В.Н. Андреева и др. – М.: Локид-Миф, 2000. – 556 с.
71. Юй, Фэнин Анализ устойчивых фразеологических сравнений русского языка с компонентом «глаза» с точки зрения тематической классификации эталона сравнения (на фоне китайского языка) / Фэнин Юй // [Мир науки, культуры, образования](#). – 2013. – № 1 (38). – С. 120-122.
72. Юрченко, И.А. Общее и национально-специфичное в образах-эталонах устойчивых сравнений / И.А. Юрченко // [Веснік Віцебскага дзяржаўнага ўніверсітэта](#). – 2009. – № 54. – С. 88-93.
73. Яковлева, Е.С. К описанию русской языковой картины мира / Е.С. Яковлева // Русский язык за рубежом. – М., 1996. – № 1-2-3. – С. 47–52.

СПИСОК СЛОВАРЕЙ И ИСТОЧНИКОВ И ИХ УСЛОВНЫХ ОБОЗНАЧЕНИЙ

Воропаев, Н.Н. Китай: имена на все времена. Прецедентные персонажи. Лингвокультурологический словарь-справочник для изучающих

китайский язык, культуру, историю, литературу Китая / Н.Н. Воропаев. – М.: Издательство ВКН, 2015. – 384 с. (Воропаев).

Мокиенко, В.М. Словарь сравнений русского языка / В.М. Мокиенко. – СПб.: Норинт, 2003. – 608 с. (Мокиенко).

Национальный корпус русского языка. – Режим доступа: <http://www.ruscorpora.ru/> (НКРЯ).

Огольцев, В.М. Словарь устойчивых сравнений русского языка / В.М. Огольцев. – М.: АСТ, Астрель, Русские словари, 2001. – 800 с. (Огольцев).

Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2007. – 1175 с. (Шведова).

Фразеологический словарь русского литературного языка конца XVIII – XX вв. / Под ред. А.И. Федорова. – М.: Топикал, 1995. – 608 с.

商务印书馆, 2002年1月 («Фразеологический словарь китайского языка Синьхуа». Составитель: Центр исследования словарей при издательстве «Шаньбу». Издательство: «Шаньбу», 2002).

新华成语词典, 2009年6月 («Фразеологический словарь китайского языка Синьхуа». Составитель: Центр исследования словарей при издательстве «Коммерческая Пресса». Издательство: «Коммерческая Пресса», 2009).